К26.89(253.3)
М 63

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОД НИЖНЕВАРТОВСК

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА"

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

"Мира не узнаешь, не зная края своего"

Материалы 7-х краеведческих чтений
18 апреля 2003 года

г. Нижневартовск,
2003 г.

К26.89(253.3)
М 63

УПРАВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
ГОРОД НИЖНЕВАРТОВСК

МУНИЦИПАЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
"БИБЛИОТЕЧНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА"

НИЖНЕВАРТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

"Мира не узнаешь, не зная края своего"

Материалы 7-х краеведческих чтений

18 апреля 2003 года

BIS NIZHNEVARTOVSK
1923341060

Нижневартовское
МУ "БИС"
инв.№ 111033/1 - 1 - КО

г. Нижневартовск

2003 г.

ББК 63.3 (253)
М-63

Редакционная коллегия:

Солодкин Я.Г. - профессор, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории России НГПИ (ответственный редактор).

Семенова Л.Ф. - зав.отделом краеведения Нижневартовской ЦГБ.

Шаймарданова Л.А. - зав. отделом обслуживания Нижневартовской ЦДБ.

Ответственный за выпуск: Чернышова В.И.

Технический редактор: Мокшина Н.Ю.

Мира не узнаешь, не зная края своего: Материалы 7-х краеведческих чтений. /Управление культуры администрации МО город Нижневартовск; МУ"БИС"; НГПИ. - Нижневартовск: МУ «Нижневартовская типография», 2003. – 130 с.

ББК 63.3(253)

ЧАСТЬ I.
ИСТОРИЯ.

А.Н. Стадник

Некоторые аспекты колонизации Сибири в трудах П.Н. Буцинского

Петр Никитич Буцинский, сын священника из села Донецкой – Сеймицы

Тимского уезда Курской губернии, родился в 1853 году. Первоначально образование он получил в Обоянском духовном училище, среднее – в Белгородской духовной семинарии и высшее — на Историко-филологическом факультете Харьковского университета. По окончании курса в 1879 году П.Н. Буцинский оставлен стипендиатом для «приготовления» к профессорскому званию по русской истории. В том же году факультет постанавил командировать его в Москву для научных занятий в книгохранилищах и архивах. Плодом этих занятий было сочинение П.Н. Буцинского «О Богдане Хмельницком». Историко-филологический факультет университета Святого Владимира за это сочинение, после публичной защиты, удостоил автора ученой степени магистра, и на заседании 13 мая 1883 года П.Н. Буцинский был утвержден в этой степени и Советом университета.

С 1884 года ученый начал собирать материал для докторской диссертации на тему о заселении Сибири. С этой целью в свободное от преподавательской деятельности время П.Н. Буцинский ездил в Москву для занятий в архивах Министерства Иностранных Дел и Министерства Юстиции.

Плодом этих занятий стала книга П.Н. Буцинского «Заселение Сибири и быт первых ея насельников», вышедшая в свет в 1889 году. В следующем году

после публичной защиты университет Святого Владимира удостоил его ученой степени доктора русской истории.

Прошлому Сибири посвящены и такие работы П.Н. Буцинского, как «Открытие Тобольской епархии и первый Тобольский архиепископ Киприан» (1890 г.), «Сибирские архиепископы: Макарий, Нектарий и Герасим» (1891г.), «Крещение остяков и вогулов при Петре Великом» (1893г.), «Мангазея и Мангазейский уезд» (1893г.), «К истории Сибири: Сургут, Нарым и Кетск» (1893г.).

Как совершалось водворение в Сибири русской власти и русской народности? Каковы были размеры туземного населения и как собралось новое русское население Сибири? — на эти вопросы попытался ответить П.Н. Буцинский. Для точного ответа требовалась историческая статистика. Как замечал А.Н. Пыпин, можно было ожидать, что эта статистика будет совершенно невозможна для столь отдаленных времен — цифры могли совсем отсутствовать в уцелевших документах или же не сохранились сами документы. Источники нашлись, хотя и неполные, и после их изучения автор сделал выводы, новые и любопытные.

О плане своей первой монографии по истории Зауралья исследователь говорил: «Настоящая книга есть только начало обширного труда, задуманного нами. Мы намерены по частям исследовать заселение Сибири, по частям исследовать материал, касающийся быта насельников этого края и взаимного отношения между ними и туземцами, чтобы потом написать общую историю Сибири от начала ея завоевания и до половины XVIII века. Первая часть нашего исследования касается заселения передней Сибири – уездов Верхотурского, Туринского, Тюменского, Тобольского, Тарского, Пелымского и Березовского в период от начала завоевания этого края до конца царствования Михаила Федоровича. Мы не можем сказать, что существующие сочинения о Сибири и печатные акты оказали нам достаточную помощь при исследовании данного вопроса. Это первая часть нашего труда, преимущественно составленного на основании рукописного материала, хранящегося в Архиве Министерства Иностранных Дел и Архиве Министерства Юстиции».

Много важного материала для своей работы П.Н. Буцинский нашел в «портфелях Миллера»: так богата была коллекция, собранная знаменитым академиком. Историк изучил приказные дела, ясачные книги, «дозорные книги», списки служилых людей, посадских, крестьян, ружников и оброчников, населявших сибирские города, «списки пашенных и оброчных крестьян», живших в уездах, «сметные книги хлебных запасов и хлебных расходов», «ужинные книги», «сметные книги государевых доходов и расходов», «окладные книги», «таможенные книги», приходо — расходные книги Казанского дворца и Сибирского приказа, «присяжные книги» гг. Верхотурья и Пелыма; исследователь также проанализировал столбцы, переплетенные и разбитые, которые заключали множество царских грамот, воеводских отписок, челобитных инородцев и русских людей и «обыскных» по ним дел. Материал, однако, дошел до нас не полностью.

Ведь, — отмечал А.Н. Пыпин, — в 1623 году сгорел архив Сибирского приказа в Казанском дворце; в 1643 г. погиб тобольский архив, а затем в разное время сгорели старые архивы других городов Сибири; когда Г.Ф. Миллер во время своего путешествия обращался в разные города за архивными материалами, он часто получал ответ, что документов нет, что архивы сгорели. Этот недостаток материалов побудил П.Н.Буцинского ограничить свое исследование 1645 годом: для первого периода сибирской истории он все-таки имел возможность восполнить иной раз недостаток прямых источников, но для последующего времени материал очень скуден, и новые переписи относятся уже к временам Петра Великого. А.Н. Пыпин указывает, что исследование П.Н. Буцинского относится только к вопросу заселения «передней» части Сибири до конца царствования Михаила Федоровича,- это и была «первая» покоренная русскими Сибирь.

В.С. Иконников замечал, что в значительной степени работа П.Н. Буцинского носит характер статистического исследования, представляя множество данных о количестве населения,

денежных доходах и расходах, доходных статьях, пашне, промыслах, торговле. Исследователь приводил эти сведения не только по уездам, но и по волостям, а затем сделал общие выводы о степени населенности Сибири.

Насколько позволяли источники, историк представил картину первых десятилетий сибирской истории: строительство городов, «размножение» деревень, установление власти гражданской и церковной, первое земледельческое и промышленное хозяйство, отношения с инородцами.

В оценке А.Н. Пыпина это картина с одной стороны, старого московского быта, отразившегося в колонии, с другой — зарождающихся особенностей сибирской жизни, которым впоследствии предстояло развиваться еще сильнее. Многие подробности, выясненные автором на основании источников, совершенно новы, другие получили документальную определенность.

Способ колонизации П.Н. Буцинский определяет как двоякий: административный и народный – перевод жителей в Сибирь по распоряжениям правительства и добровольная колонизация. Управление было введено обычное, воеводское и приказное – с тем различием от собственно России, что чрезвычайная отдаленность края от московского центра и медленность сообщений с самого начала создали в Сибири особый склад административного быта, главною чертою которого был почти безграничный и большей частью почти безнаказанный произвол. Особую черту сибирской колонизации составила ссылка, начало которой восходит уже к первым десятилетиям русского владычества в Сибири.

Любопытны сообщения П.Н. Буцинского об отношениях туземного населения в «передней» Сибири, облегчавших самое завоевание; о строении сибирских городов; о способах колонизации; о продвижении в Сибирь служилых людей; о воеводском и архиерейском управлении; весьма важны замечания о старом характере ссылки, которая, по указаниям автора, в большинстве

случаев из уголовной кары становилась новым средством колонизации.

На взгляд А.Н. Пыпина, в некоторых случаях заключения автора могут казаться несколько поспешными. Таковы, например, соображения о численности инородческого населения на основании официального счета ясачных людей, а также, вероятно, населения русского, хотя при громадности и тогдашней Сибири точный счет едва ли был возможен.

Исследования П.Н. Буцинского построены почти исключительно на изучении архивного материала. Им приведен значительный фактический материал о начале колонизации Северо – Запада Сибири, указаны цели строительства и численность населения городов, сделаны любопытные выводы, высказаны интересные наблюдения относительно процесса колонизации русскими зауральской окраины России. Изыскания П.Н. Буцинского составляют весьма важный вклад в сибирскую историографию, как первый обширный и систематический труд о социально — экономическом развитии края.

В.В. Митрофанов

Основные направления исследования прошлого Сибири в творчестве С.Ф. Платонова

10 января текущего года исполнилось 70 лет со дня смерти выдающегося отечественного историка, замечательного педагога и организатора науки, академика С.Ф. Платонова.

В последние два десятилетия научное наследие С.Ф. Платонова вызывает пристальное внимание исследователей. Защитили диссертации, посвященные творчеству С.Ф. Платонова, В.А. Шаров, В.С. Брачев, Е.А. Ростовцев, М.А. Мамонтова. Переиздаются труды ученого: «Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI – XVII вв.», «Лекции по русской истории», «Смутное время», «Борис Годунов», «Иван Грозный»;

«Учебник по русской истории» используется в средних школах. Продолжается исследование творческого наследия С.Ф. Платонова. Можно констатировать, что оно вновь востребовано обществом.

Сибиреведческие труды С.Ф. Платонова посвящены нескольким темам. Это раннее сибирское летописание, пути, ведущие за Урал и их перемещение, причины проникновения в Сибирь иностранцев, роль и значение Строгановых в освоении Зауралья, значение похода Ермака.

Этими проблемами ученый занимался особенно активно в 1920-е годы, хотя отдельные вопросы истории Сибири он затрагивал и раньше. Поэтому «сибирскую» тему в его творчестве нужно отнести к одной из основных.

В 1907 г. в работе «Об авторе сочинения «На иконоборцы и на все злыя ереси» исследователь впервые обращается к изучению истории сибирского летописания, предположив причастность к нему воеводствовавшего в Тобольске И.М. Катырева-Ростовского, повесть которого поразительно близка к Строгановской летописи. А в 1917 году С.Ф. Платонов, рассматривая давнюю проблему об авторстве Летописной книги, посвященной Смутному времени, вторично коснулся происхождения Строгановской летописи.

Если в своей магистерской диссертации (1888 г.) С.Ф. Платонов вслед за В.О. Ключевским считал автором Летописной книги Катырева - Ростовского, то теперь, сопоставив знаменитую повесть 1626 года с антиеретичным сочинением «На иконоборцы», С.Ф. Платонов заключил, что эти два сочинения не могли выйти из- под пера одного лица. Он пришел к убеждению, что ни князь Катырев - Ростовский, оказавшийся заурядным компилятором, ни тобольский сын боярский Кубасов, с именем которого Летописная книга связывалась до В.О. Ключевского, не могут считаться создателями Повести о Смуте. По наблюдениям С.Ф. Платонова, имя автора этого памятника пока не может быть названо. Атрибуция Строгановской летописи является

еще загадкой, почему призыв С.Ф. Платонова «продолжить изучение» данной темы сохраняет актуальность.

Следовательно, С.Ф. Платонов высказал немаловажное наблюдение по вопросу об авторстве Строгановской летописи. По замечанию В.Г. Мирзоева, в статье «Старые сомнения» (по поводу авторства Летописной книги) С.Ф. Платонов впервые подошел к сибирскому летописанию как к не обособленному явлению, а ветви культурной общерусской традиции, связанной с древнерусской исторической письменностью.

Касаясь вопроса о русско - сибирских связях, С.Ф. Платонов констатирует, что они уходят в глубь веков. Крайний север Сибири, - подчеркивал исследователь, - был известен русским, в частности, новгородцам, до «Ермакова» завоевания по меньшей мере века за два. Летописцы свидетельствуют, что новгородцы взимали дань с самоедов, живших по обе стороны Урала, еще в XI веке. Поэтому в статье «Строгановы, Ермак и Мангазея» ученый утверждает: «Можно назвать детски наивным то представление, что Сибирь открыли Строгановы, а Ермак ее завоевал». Именно новгородцы и проложили первые пути в Зауралье. Особенно привлекала русских Мангазея, богатая пушниной.

Оформившиеся со временем пути в Сибирь подробно исследованы в «Очерках». Опасности сухопутных дорог, по наблюдению С.Ф. Платонова, «заставляли русских промышленников, идущих в Мангазею, выбирать морской путь», который был частью искомого пути в Азию, который пытались найти европейцы.

В статье «О двух грамотах 1611 г.», опубликованной в 1903 г., С. Ф. Платонов вновь коснулся этой темы. Поводом к написанию статьи стали вкравшиеся в литературу неточности в определении дорог в Сибирь через Чердынь. С.Ф. Платонов подчеркнул необходимость различать две «ветви сибирского пути между Устюгом и верхнею Камою».

Ученый отмечал, что утвердившись в Поморье, иноземцы обратили свои взоры и помыслы в Сибирь и дальше на Восток. Уже в 1556 году Борро – спутник английского капитана Ченслера - побывал в Кольской губе, достиг Канина носа, Югорского шара, Войгача и даже Новой земли. Далее этого рубежа не удалось пройти в 1584 г. и Брюннелю – уроженцу Брюсселя, бывшему торговым приказчиком, а затем торговым агентом Строгановых.

С XVI в. большую роль в продвижении в Сибирь стали играть Строгановы, «вотчины которых были разбросаны по всему северу», - писал С.Ф. Платонов. Еще родоначальник известной ветви рода Аника посылал своих агентов в Мангазею на Обь. Он сумел раньше других достичь Оби и наладить обмен драгоценных мехов на «немецкие» безделушки. Начиная с 1558 года, Строгановы получают ряд жалованных грамот. «Обращение окраинных земель в частную собственность богатой средствами и силами семьи Строгановых мы считаем ... правительственным приемом...», - отмечается историком. Это новый взгляд на проблему государственной колонизации Сибири.

С 1579 года, воспользовавшись правом ставить крепости, содержать вооруженные силы, а также оберегать русские земли от «сибирского салтана», Строгановы ставят городки, вербуют казаков. Начало похода Ермака датируется обычно 1 сентября 1581 года. В первых же работах С.Ф. Платонов относил его к 1582-1584 гг. «Самою правильною оценкою этого предприятия будет та, по которой поход «атаманов- воров» был военным поиском», «одним из эпизодов того Dranq nach Osten», - читаем у С.Ф. Платонова. Дата похода со временем трансформировалась. Внес исследователь коррективы и в определение численности отряда покорителя Сибири. Если в «Учебнике русской истории» называется цифра в 840 человек, то в «Очерках» говорится о 850. Уточняются данные и о количестве дворов в вотчинах Строгановых. В «Очерках» за 1579 год исследователь не может назвать их количество, в работе «Низовская колонизация

Севера» о 352 дворах, что является свидетельством внимательного изучения проблем колонизации Сибири на протяжении всего творчества. Об этом же свидетельствуют и вопросы, оставленные для дальнейшего уточнения, например, в одной из записок о месте гибели Ермака. С.Ф. Платонов, возможно, читавший лекцию о завоевании Сибири в Клубе ученых в 1923 году, находил чрезвычайно важным «то указание, что в 1581 году, одновременно с подготовкою сухопутного поиска Ермака на Иртыш и Обь, Строгановы готовили и мореходный поиск на ту же Обь». «Надежды Строгановых сбылись полнее и легче, чем они могли надеяться»,- подчеркивает историк. Но Строгановым, несмотря на то, что их вотчины послужили базой для наступления на земли по рекам Тоболу и Иртышу, а огромные средства богатой промышленной семьи были обращены на достижение государственных целей, добыть каких - либо преимуществ и достигнуть преобладания не пришлось. По южному пути вслед за Ермаком «в Мангазею пришла государственная власть, которая и усвоила себе плоды Строгановского успеха», - представляется С.Ф. Платонову.

С.Ф. Платонов поддерживал широкие связи с сибиреведами, о чем свидетельствует его переписка с П.С. Акимовым, Г.В. Вернадским, А.А. Введенским, С.В. Бахрушиным.

Приведенные данные показывают, что одной из основных тем научных изысканий в последнее десятилетие жизни С.Ф. Платонова была колонизация Сибири. Его работы являются крупным вкладом в изучение истории Зауралья.

А.А. Юлусова

Хронология похода Ермака в Сибирь (к историографии темы)

В современной историографии продолжает дискутироваться вопрос о хронологических рамках Сибирского похода Ермака.

Исследователи, занимающиеся этой проблемой, зачастую точно определяют число и месяц начала похода (1 сентября), но при этом называют разные годы - от 1577 до 1582, что связано с противоречивостью летописных источников и зачастую их предвзятостью.

По мнению ряда историков, наиболее ранним источником, который упоминает о событиях похода, является Есиповская летопись. Она относит начало похода к осени 1580 года.

К числу ранних относится и Строгановская летопись. С.В. Бахрушин пришел к выводу, что в основе ее и Есиповской летописи лежит один первоисточник, хотя он так и не ответил, по мнению А.И. Андреева, на вопрос, какая из этих летописей древнее и достовернее.

Строгановская летопись первой называет точную дату начала похода - 1 сентября 1581 года, а появление казаков в вотчинах пермских солепромышленников относит к лету 1578 года. По наблюдению А.А Дмитриева, ни один источник не приводит столь полного описания пути следования казаков в Сибирь, как Строгановская летопись.

Последователь А.А Дмитриева А.А. Введенский писал, что достоверность дат можно установить только после того, как будет выяснено, призывали Строгановы Ермака или нет. Но в то же время он отдает предпочтение именно Строгановской летописи, хотя полагает, что в некоторых случаях она приводит ошибочные данные, так, датирует набег мурзы Бегбилея 1581 годом.

В Ремезовской летописи начало похода относится к 1577 – 1578 годам, но говорится, что тогда казаки «объмешенились», не попали по Чусовой в Сибирь, после чего уже в 1579 г. «пойдоша по Чусовой вверх до Тагильского волока з боем». Эта же летопись приводит данные о зимней стоянке Ермака, но историки отводят им второстепенную роль, так как Ремезов часто основывался на народных преданиях.

В качестве начальной даты похода берется и 1579 год. Подробно эту версию рассматривает В.И. Сергеев в статье «Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков». Он высказал очень убедительную гипотезу о нескольких этапах продвижения казаков в Сибирь. В.И. Сергеев предполагает, что когда в вотчинах Строгановых появился в 1579 году отряд Ермака, сначала поход был неудачным; позднее к казакам присоединился Иван Кольцо, который бежал с Волги от царских воевод.

Е.К. Ромодановская в статье «Строгановы и Ермак» приводит доказательства несостоятельности этой версии. Анализируя статью о Ермаке из Свода 1652 года, Е.К. Ромадановская пишет, что под одним 1579 годом зафиксирован ряд событий: казаки не только пришли с Волги на Чусовую, но и «Сибирь взяли, царя Кучума и сына его Маметкула покорили и всю землю их». По Строгановской же летописи известно, что Ермак и казаки в строгановских владениях «пожиста же два лета и месяца два», да и «взятие» ханства Кучума продолжалось не один год.

Кроме того, в Своде упоминается, что Ермак пришел на Чусовую в 1579 года, когда Максим Строганов «гонялся за дядею Григорием Аникиевичем », а тот умер 5 января 1578 г. Поэтому, чтобы помочь Максиму Строганову, Ермак должен был появиться во владениях Строгановых не ранее конца 1577 года. После смерти Аники Строганова начинается борьба за наследство между его сыновьями Яковом, Григорием и Семеном Строгановыми. В октябре 1577 года умирает Яков Аникиевич, и его место занимает сын Максим. Таким образом, Ермак мог прибыть к Максиму не ранее 1577 года, как об этом сообщает Ремезов. Строгановская летопись, чтобы не приводить такой факт, говорит о 1579 годе.

Проанализировав эти статьи, мы можем заключить, что в 1579 году Ермак с казаками мог быть во владениях Строгановых, но ни в одном источнике не говорится о начале Сибирско-

го похода. В этом году казаки, пройдя длинный путь с Волги, не могли сразу начать поход. Им нужно было время, чтобы собрать оружие, снаряжение и сведения об неизвестных краях. Таким образом, 1579 год можно принять как дату появления казаков на Чусовой, о чем и сообщает строгановская летопись.

Судя по «опальной» грамоте Строгановым от 16 ноябре 1582 года, Сибирский поход начался 1 сентября 1582 года. На этом основании ряд историков, полностью разочаровавшись в хронологических показаниях летописей, относит начало похода к 1582 году. По мнению А.А. Введенского, дату самой грамоты могли перенести и на поход, в который ермаковцы в действительности выступили 1 сентября 1581 года.

Р.Г Скрынников критически оценивает данные Строгановской летописи, которая писалась для прославления рода Строгановых и поэтому не всегда объективна в своих оценках. Ученый опирается на данные царских грамот, которые относят начало похода к 1582 году, тем более участники экспедиции в 1581 г. находились в разных местах: Ермак на западе, под Могилевым, а его товарищи - на Волге. Версия же о существовании двойника у главного атамана не имеет оснований, в таком случае они должны быть и у остальных предводителей казаков.

Н.А. Миненко в качестве основного источника использует Строгановскую летопись. Ее автор уверенно утверждал: «в лето 7090, сентября в первый день» ермаковцы отправились в Сибирь. Эта же дата указана в «Синодике ермаковым казакам», составленном по приказу архиепископа Киприана на основе казачьих рассказов. Поэтому первый осенний день 1581 года можно признать за раннюю хронологическую грань знаменитого похода, - находит Н.А. Миненко.

Д.О. Скульмовский

«Ермаковы казаки» в Сибири на рубеже XVI-XVII вв.

После боя в устье Вагая ночью 5 августа 1585 г. и гибели Ермака в казачьем войске оставалось по разным данным от 90 до 150 человек. Уцелели, в частности, ближайший соратник атамана Матвей Мещеряк и голова Иван Глухов, который после смерти князя С.Д.Болховского руководил отрядом из ратных людей, посланных Иваном Грозным Ермаку на подмогу.

Согласно Г.Е.Катанаеву, Глухов и Мещеряк «быстро собрались и посадив на струги уцелевших товарищей, отплыли вниз по Иртышу в Обь и далее по Конде и Лозьве(или Сосьве) за Камень».

Осенью 1585 года в Сибирь был направлен отряд государевых служилых людей под предводительством И.А.Мансурова. Этот отряд не застал никого из оставшихся в живых казаков и остановился на зимовку в устье Иртыша (Г.Е. Катанаев предполагал, что именно отряд Мансурова настиг остатки «ермаковой дружины»), где быстро построил городок, названный Обским (или по имени его создателя Мансуровским).

В 1586 г. в Сибирь прибыл отряд В.Б.Сукина и И.Н.Мясного, в составе которого находились и «ермаковы казаки» (по мнению Г.Е.Катанаева, этот отряд соединился с ермаковскими казаками и ратными людьми Мансурова в верховьях р.Лозьвы).

Таким образом, обстоятельства объединения казаков Ермака под руководством Матвея Мещеряка с отрядом Ивана Мансурова остаются неясными. По всей видимости, «ермаковы казаки» пришли в Сибирь вместе с В.Сукиным и И.Мясным.

Самую невероятную версию на этот счет выдвигал А.А. Гордеев. Он считал, что до прихода отряда Сукина и Мясного Матвей Мещеряк и еще один известный сподвижник Ермака Иван Гроза самостоятельно заняли часть Сибири и поддержива-

ли свою власть среди окружающих племен. Если следовать этой версии А.А. Гордеева, «ермаковы казаки» вовсе не уходили на «Русь», а напротив, чувствовали себя весьма комфортно среди «иноземцев». Согласно другой гипотезе А.А. Гордеева, в 1586 г. отдельно от отряда Мясного и Сукина в Сибирь возвратился с Дона Александр Черкас и привел с собою 400 «ермаковых» казаков. Что делал на Дону посланный Ермаком в Москву Черкас Александров (упоминающийся Гордеевым как Александр Черкас), автор «Истории казаков» умалчивает. Не объясняет он и наличие у Черкаса 400 казаков (по некоторым данным, в походе Ермака участвовало 540 казаков, а в живых осталось, как ранее упоминалось, от 90 до 150).

Еще более любопытна версия возвращения «ермаковых казаков» на «Русь» после гибели Ермака. По утверждению А.А.Гордеева, получив сведения о гибели Ермака и его отряда, Мещеряк и Глухов покинули Сибирь и направились в сторону России. Воевода Глухов с отрядом пошел Угорской дорогой и перевалив через Урал, вышел на Печору и оттуда отбыл в Москву. Атаман Мещеряк с казаками, отделившись от Глухова, отошел к устью р. Туры и остановился в Тюмени». Тюмень была основана в 1586 г. отрядом Сукина и Мясного, в составе которого как раз и должны были находиться казаки Мещеряка. Думается, комментарии здесь излишни. Осталось только выяснить, примкнули к государевым воеводам казаки Черкаса Александрова или нет. В каком году возвратился Черкас Александров в Сибирь из Москвы и сколько с ним было казаков, пока не выяснено. Практически все исследователи, упоминая этих «ермаковых казаков», не называют имя их атамана. Исключением является В.Ф.Мамонов, утверждающий, что вместе с отрядом Сукина и Мясного пришли именно казаки Мещеряка.

Дальнейшая судьба Матвея Мещеряка неясна. Есть сведения, что он был убит в 1587 г. татарами во время нападения «на Тобол» (возможно, имеется в виду Тобольск).

Вернувшись в 1586 г. в Сибирь, «ермаковы казаки» построили там вместе с другими ратными людьми и государевыми воеводами первые сибирские города, участвовали в боях с ханом Кучумом. Кое-кому из ермаковцев (например, Грозе Иванову) пришлось повоевать «на Руси»: во время событий Смутного времени они сражались против интервентов и русских «воров».

Известно немало ермаковских казаков, продолжавших службу в Сибири. Это Иван Дурыня, начинавший службу рядовым казаком, а затем бывший атаманом в Тобольске; Олфер (Осип) Заварихин, после смерти Ермака долгие годы служивший в Пельме; тюменский казак Иван Захаров, пришедший за Урал вместе с атаманом и взявший «на саблю» Сибирь; тобольский казак Никита Брянцев, прослуживший на «государевой службе» около 80 лет и умерший глубоким стариком в 1667 г., Алексей Галкин, который после «сибирского взятия» 30 лет был в Березове казачьим атаманом и погиб в Мангазейском уезде при объясачивании «иноземцев». В том же Березове казаки Мещеряковы, Михайловы, Пановы считали себя прямыми потомками казаков Ермака. Сохранилась даже легенда, что в Березове в местной церкви хранилась хоругвь («ермаково знамя»), которая в начале XX в. находилась в Омске в войсковом Никольском соборе.

По мнению В.А.Александрова и Н.Н.Покровского, служилые сибирские люди, добиваясь повышения по службе и перечисляя свои заслуги, вообще часто ссылались на службу с Ермаком. «Челобитья» о поверстании подросших детей казаков даже при их далеком родстве с участниками событий конца XVI в. не встречали возражений со стороны Сибирского приказа.

Так, во второй половине XVII в. в Тобольске жил рейтар Степан Карпов, дед которого оказался в Зауралье вместе с Ермаком. Другой потомок ермаковских казаков отставной певчий дьяк Софийского собора Ульян Козмин, «скитаясь меж дворами», слезно просил поверстать его «на выбылое место» в конные казаки с годовым жалованием в 7 рублей и правительство не от-

клонило эту просьбу, хотя вряд ли можно воспринимать всерьез родство Ульяна Козмина с «ермаковыми казаками».

Теперь несколько слов о самых колоритных фигурах среди ермаковцев- Гавриле Ильине, Гавриле Иванове, Пинае Степанове и Иване Грозе.

Последнему, по мнению Д.Я.Резуна, Ермак доверил быть главой посольства к Ивану Грозному (по одной из легенд, царь подарил Грозе шубу со своего плеча). Вернувшись в Сибирь, Иван Гроза вместе с первыми государевыми воеводами «ставил» Тюмень, Тобольск, Тару, Томск, громил Кучума в решающей битве на реке Ирмени. В Смутное время он вместе «со своей станицей» в 300 человек принимал участие в разгроме тушинского самозванца. А затем опять была служба в Тобольске - головой конных казаков. Умер Иван Гроза в 1635 г., оставив после себя сына Гаврилу, который на службе занял место отца (А.А.Гордеев считал, что Грозы не было в живых еще в 1587 г, то есть за 50 лет до реальной смерти).

В начале XVII в. одно из казачьих подразделений Тобольска упоминалось в документах как «старая сотня»: некоторые состоявшие в ней казаки утверждали, что служат в Сибири с «Ермакова взятия». Это позволяет считать, что в данном подразделении концентрировались оставшиеся в живых соратники Ермака. Так, кроме Ивана Грозы, известен Гаврила Ильин, тобольский атаман «старой сотни», строивший первые города в Сибири- Тюмень, Тобольск, Пелым, Тару и Томск (умер в августе 1639 г.). Пинай Степанов, несший в Сибири службу 24 года, указывал на свое участие в разгроме Сибирского ханства. Пинай прибыл в Сибирь в составе отряда стрельцов под началом князя С.Болховского и вместе с остатками «дружины» Ермака возвратился «на Русь», а затем уже в чине казачьего атамана был снова послан в Сибирь, строил Тюмень, Тобольск и Верхотурье. В 1607 г., будучи уже «слеп и увечен», атаман попросился в Москву, чтобы сделать вклад в кремлевский Чудов монастырь в память об «убиенных товарищах». Тюменский конный казак Гав-

рила Иванов, судя по его челобитной, служил «в Поле» 20 лет; вместе с Ермаком перевалил через «Камень», пережил гибель своего атамана, вернулся «на Русь», а затем опять отправился в Сибирь, где прослужил еще 20 лет: строил Тюмень, Тобольск, Пелым, Тару, Томск, громил отряды Кучума, собирал ясак в Кузнецкой земле. В 1624 г. он был назначен атаманом казаков «старой сотни».

Как мы видим, некоторые сподвижники Ермака в начале XVII в. имели высокие для Сибири чины голов и атаманов, были, по всей видимости, обеспеченными людьми. Однако, по мнению авторов «Истории казачества Азиатской России», большинство уцелевших после 1585 г. соратников Ермака не попали в «служилую аристократию» Сибири. Некоторые из них закончили свои дни немощными стариками либо в монастырях, либо в тобольской казенной богадельне.

И. А. Попова

Книжные собрания первых сибирских архиереев Киприана, Макария и Нектария

Религиозная и религиозно-полемическая литература занимала основное место в жизни населения первых сибирских городов и острогов. Распространение духовной литературы в Сибири находилось под руководством московского правительства. Назначаемые в новооснованные церкви Сибири священнослужители привозили с собой литературу религиозного характера. Создавались и пополнялись фонды библиотек при монастырях и церквях и присланными книгами, а также оставленными в наследство сибирскими священнослужителями.

По Софийским отписным книгам реконструируется состав книжных собраний Тобольского архиепископского дома. Определяющее значение для формирования его библиотеки имел сбор книг служившими здесь священниками. Основным крите-

рием отбора духовными лицами находившейся в Тобольском архиерейском доме литературы была большей частью личная оценка степени значимости, пригодности, ценности и потребности книг.

Постепенно увеличивавшаяся библиотека Тобольского архиерейского дома состояла в основном из рукописной и печатной литературы религиозного содержания. Книги светского назначения только начали появляться в Сибири в XVII в., но едва ли собрания духовных лиц архиерейского дома включали в себя много таких памятников.

Важное значение в пополнении библиотеки Тобольской Софии имела деятельность первого сибирского владыки Киприана Старорусенкова (позднее митрополита крутицкого и новгородского), автора ряда богослужебных сочинений. С его именем предположительно связываются дошедшие до нас сведения о начале сибирского летописания. Своеобразной летописью считают Синодик Киприана (около 1622 г.), составленный на основе «Написания, как приидоша в Сибирь» непосредственными участниками похода в Сибирь Ермака либо с их слов.

Именно Киприан заложил основы фонда библиотеки Тобольского архиерейского дома, которая включала при нем 11 книг. Это евангелие, служебник, апостол, две октаи, треодь постная, минея общая, псалтырь, часовник и шестодневец. Книга Василия Острожского, присланная патриархом Иоасафом в память о Киприане, содержит вкладную запись митрополита.

В Софийской библиотеке остались переписные книги 1625 и 1636 гг., связанные с именами Киприана и его преемника на владычной кафедре Макария. Обе книги составлялись при передаче имущества следующему владыке – первая после поставления Киприана в митрополиты Крутицкие, вторая – после смерти Макария. Основной комплекс четьей и светской литературы прислан как вклад по завещанию первого тобольского архиепископа, но вклад этот в значительной мере отражает состав личной библиотеки Киприана. Точно так же описана здесь и кол-

лекция архиепископа Макария – те книги, которые находились в его собственных «кельях» и подбирались явно самим владыкой.[1]

Макарий, прибывший в Тобольск в 1625 году, возглавлял епархию до самой своей смерти 24 июля 1634 г. Он был погребен Нектарием, третьим архиепископом Сибирским и Тобольским (1636 – 1640 гг.), который создал библиотеку Нилово-Столбенской пустыни.[2] При жизни Нектария и, возможно, и при его участии была создана новая редакция Жития Нила Столбенского, отличающаяся риторичностью и распространением за счет общих мест.[3] Драгоценным памятником истории Сибирской Церкви осталось «Сибирское письмо» святителя, в котором содержится пророчество о торжестве Православия «по всей Азии» (имеется в виду Сибирь). Из собственных произведений архиепископа Нектария до нас дошли его поучения к братии Нилово-Столбенскй пустыни и послание «Господину моему Ивану Михайловичу» (возможно, князю Катыреву-Ростовскому, воеводствовавшему в Тобольске в то время). Все они отличаются простотой стиля и композиции. Нектарий принципиально не использовал почти никаких средств художественного украшения речи. В первом поучении, написанном в Тобольске и присланном в Нилову пустынь вместе с собственноручно переписанным Нектарием синодиком Нилово-Столбенской пустыни, речь идет об общих принципах монастырской жизни и необходимости молитвы. Второе поучение – «Заповедь архиепископа Нектария трезвости и общежития». В примерах благочестивой жизни основателей пустыни в этом сочинении все сжато, кратко и ясно до предела; автор не делает ни малейшей попытки распространить факты, хотя для этого в меру своего таланта мог бы использовать известные литературные источники. Послание «Господину моему Ивану Михайловичу», также написанное в Тобольске, наиболее интересно в литературном отношении.

При Нектарии развернулась литературная работа тобольского Софийского дома. За недолгие годы его правления здесь были созданы три памятника сибирской литературы, опреде-

лившие основные линии ее развития: Есиповская летопись (1636 г.), «Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы» (1636 – 1641 гг.) и «Повесть о городах Таре и Тюмени» (1636 – 1642 гг.), которая сохранилась в единственном списке, где отсутствует начало; название ей дано исследователями.[4]

Сибирские владыки пополняли фонд библиотеки Тобольского архиерейского дома, при них создавались местные официальные литературные памятники, в частности, возникло летописание. Таким образом, к середине XVII века Тобольский архиепископский дом благодаря деятельности владык становится центром сибирской книжной культуры.

Примечания

1 Тобольский архиерейский дом в XVII веке. Новосибирск, 1994. С. 14, 19.
2 Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 387.
3 Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 314.
4 Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 59-61.

М. Д. Архипова

Киприан Старорусенков и русская книжная культура первой трети XVII в. (Историографический обзор)

Деятельность Киприана Старорусенкова (точнее, Старорушанина) -настоятеля двух новгородских монастырей, первого сибирского архиепископа, затем митрополита Крутицкого и Новгородского -неоднократно привлекала внимание отечественных ученых, хотя монографического исследования о нем пока не существует. Нередко исследователи обращались к церковно-административной деятельности Киприана или изучали его роль в становлении земельной собственности Тобольского владычного дома. В меньшей степени и зачастую попутно уче-

ные касались вклада Киприана в развитие книжной культуры России первой трети XVII в.

Одним из первых биографов Киприана может считаться видный сибирский историк XIX в. Н.А. Абрамов. Деятельности Киприана в целом он посвятил несколько статей, недавно переизданных. Н.А. Абрамов подобно Г.Ф. Миллеру считал первого тобольского владыку «основателем сибирской летописи». Следуя известию Саввы Есипова, Н.А. Абрамов утверждая, что «на другой год своего приезда в Сибирь» Киприан расспросил уцелевших сподвижников Ермака о событиях завоевания Сибирского ханства. С точки зрения Н.А. Абрамова, «письменные известия», доставленные архиепископу казаками, были сопоставлены и дополнены Киприаном другими сведениями, что позволило составить самую раннюю сибирскую летопись. Вслед за Есиповым Н.А. Абрамов пишет и о создании Киприаном Синодика тобольского Софийского собора. Оценивая Киприана как «мужа высокого духовного образования», Н.А. Абрамов указывает на создание им стихир и архивных данных, лишь мимоходом коснулся вопроса о зарождении сибирского летописания, повторив версию своих предшественников.

Историки и литературоведы XX в. многократно исследовали проблему возникновения летописной традиции на востоке России, пытаясь, в частности, решить вопрос о том, являлся ли Киприан зачинателем зауральской ветви отечественного летописания.

В 1920-х гг. А.М. Ставрович выполнила исследование (остающееся до настоящего времени неопубликованным), в котором выдвинула тезис о существовании летописи Киприана, ставшей протографом для сочинений Саввы Есипова и анонимного строгановского «историографа», а также Нового и Погодинского летописцев. С.В. Бахрушин вскоре скептически отозвался относительно возможности существования такой летописи, полагая, что роль Киприана в зарождении сибирской книжной традиции ограничивалась составлением синодика «ер-

маковым казакам», который основывался на «написании», полученным первым тобольским владыкой от ветеранов «сибирского взятия». Эта точка зрения стала господствующей, исключение составил лишь взгляд Д. С. Лихачева, высказавшего мнение о возникновении летописного свода в годы пребывания Киприана в Тобольске. По замечанию В.Г. Мирзоева, этот взгляд не был подкреплен научными доказательствами. По мнению А.И. Андреева, Киприан привез в Москву из Сибири какую-то местную повесть или летопись; этот источник лег в основу начальных статей Нового летописца, посвященных присоединению к России зауральских земель. Исследователь, однако, обошел вопрос о причастности Киприана к началу складывания летописания в «Сибирской стране».

Точка зрения С.В. Бахрушина в целом определяла воззрения большинства исследователей сибирского летописания последних десятилетий. Так, согласно Е.К. Ромодановской, роль Киприана в зарождении книжной культуры за Уралом сводилась к составлению Синодика, что было традицией, перенесенной из Новгорода. Синодик, первоначальная редакция которого была обнаружена исследовательницей, по ее мнению, не только явился своеобразным приложением к Есиповской летописи, но и в значительной степени определил ее рассказ о «ермаковом взятии». Сходного взгляда придерживается Р.Г. Скрынников, полагая, что протографом Есиповской и Строгановской летописей явилась некая ранняя тобольская летопись, не определяя, какого времени. По крайней мере, напрямую ко времени «первосвятительства» Киприана в Тобольске видный историк эту летопись не относит.

Е.И. Дергачева-Скоп, тоже считающая, что произведения Есипова и анонимного строгановского книжника предшествовала какая-то летопись, однако, не исключает, что последняя возникла в Москве еще в конце XVI в. или, по крайней мере, в период «владычества» в Тобольске Макария -преемника Киприана. Последний, таким образом, опять оказывается не причаст-

ным явно к созданию первой сибирской летописи. А.Т. Шашков, помещающий у истоков сибирского летописания «Повесть летописную...» ермаковца Черкаса Александрова - протограф Погодинского летописца, находит, что по заказу Киприана в Тобольске появилась новая редакция этой повести, которая вместе с ним оказалась в Москве, поступив в распоряжение создателей официального Нового летописца. Ранее же автор синодика «ермаковым казакам» (первой редакции) из окружения «Старорушанина» очень существенно сократил текст черкасовского сочинения. Приведенные соображения, думается, не отличаются основательностью. Совсем недавно иной взгляд на место Киприана в истории позднего русского летописания попыталась обосновать Л.Е. Морозова. По ее утверждению, именно Киприаном были записаны первые сведения о Сибири, более того, находясь в Тобольске, он стал собирать материалы о недавнем прошлом этого края для местной летописи и даже успел составить такое сочинение или «летописчик», ставший общим источником Нового летописца и Книги записной - первой редакции Сибирского летописного свода. Л.Е. Морозова же выдвинула гипотезу о Киприане как авторе или основном составителе Нового летописца - крупнейшего памятника московского официального летописания первой половины XVII в. Исследовательница ссылается на то, что в Новом летописце очень подробно говорится о деятельности Киприана в «Смутное время» и «на Крутицах», а первые статьи этого памятника посвящены «сибирскому взятию», что естественно для Киприана, который по воле царя и патриарха занял тобольскую архиерейскую кафедру сразу после ее учреждения. Как думает Л.Е. Морозова, Новый летописец в основном создавался в Новгороде в те годы, когда митрополитом там являлся Киприан. Гипотеза Л.Е. Морозовой (поддержанная, порой даже в категорической форме, Е.К. Ромодановской) представляется весьма уязвимой, поскольку не подкреплена текстологическими доводами; кроме того, исследова-

тельница, на ней настаивающая, допускает и ряд очевидных фактических неточностей.

Таким образом, ученые пока не пришли к единому мнению о роли Киприана в развитии сибирского летописания на его начальной ступени.

В литературе высказано мнение о принадлежности Киприану и некоторых других сочинений. Так, Л.Е. Морозова убеждена в том, что Киприан (о чем говорится в Новом летописце) написал Сказание о даре шаха Аббаса царю Михаилу Федоровичу. Заметим, однако, что в официальном летописце конца патриаршества Филарета речь идет лишь о сочинении Киприаном стихир и канона о Ризе Христовой. Исследовавшая историю текста сказаний о появлении в Москве «Срачицы Господней» С.Н. Гухман не связывает с Киприаном ни одну из редакции этого популярного памятника .

А. В. Лаврентьев и А. А. Турилов, анализируя позднее новгородское сказание «О Словене и Русе», в частности, вариант этого памятника, сохранившийся в составе летописного свода 1652 года, допускают, что это сказание было написано Киприаном в Новгороде на рубеже 1620-30-х гг.. Исследователи, в частности, ссылаются на наличие «сибирских мотивов» в повести «О Словене и Русе» и татищевское известие о том, что эта повесть вышла из-под пера митрополита Киприана (впрочем В.Н. Татищев мог иметь в виду митрополита московского-современника Дмитрия Донского, а не «Старорушанина»).

Наконец, в литературе обращено внимание на историю книжного собрания Киприана. Е.К. Ромодановская систематизировала (хотя и не полно) данные о библиотеке Киприана, его книжных вкладах.Таким образом, благодаря разысканиям нескольких поколений историков и литературоведов поставлены многие вопросы книжной деятельности Киприана, в частности, о степени его причастности к возникновению летописания в Сибири и Нового летописца, а также некоторых других памятников русской письменности. Однако большинство проблем книжной

деятельности «Старорушанина», прежде всего о его роли в становлении сибирского летописания, остается еще дискуссионным, прежде всего по недостатку источниковых данных. Заслуживает внимания проблема новгородского летописания того времени, когда митрополичью кафедру в древнем городе на Волхове занимал Киприан. Требует специальных разысканий и вопрос о месте Киприана в литературном кружке патриарха Филарета. Следует продолжить поиски книг, принадлежавших первому тобольскому владыке, а также выяснить степень его причастности к деятельности монастырских и архиерейских скрипториев.

Я. Г. Солодкин

Сибирское историческое повествование XVII века и погодинский летописец

В современной историографии продолжает оживленно дискутироваться вопрос об обстоятельствах зарождения сибирской летописной традиции.

Е. К. Ромодановская признает ее начальным звеном Погодинский летописец (далее – ПЛ), с момента первого издания в 1907 г. рассматривавшийся, в том числе ею самой (за исключением разве что А. М. Ставрович) как вторичная редакция повести Саввы Есипова «О Сибири и о сибирском взятии». С точки зрения исследовательницы, ПЛ (либо его протограф) передает текст казачьего «написания» рубежа XVI – XVII столетий, затем попавшего в руки архиепископа Тобольского Киприана Старорушанина, что позволило тому составить синодик «ермаковым казакам». «Повесть летописную, откуда начяся царство бисерменское в Сибири...», Е. К. Ромодановская предложила атрибутировать Ивану (Черкасу) Александрову – соратнику легендарного атамана в зауральском походе[1]. Суждение видного литературоведа о роли ПЛ в развитии «восточной ветви» позднего рус-

ского летописания воспринял А. Т. Шашков, более последовательно связывающий возникновение сибирской книжной культуры с протографом этого памятника. Р. Г. Скрынников же нашел ошибочным заключение Е. К. Ромодановской о приоритете ПЛ сравнительно с Есиповской летописью и его авторстве.

В оценке новейшей исследовательницы «Повесть летописная...» в «группе» сочинения «архиепископля» дьяка занимает «далеко не исходное место», тем более, что зависит от Абрамцевского летописца. На взгляд Е. И. Дергачевой-Скоп, известия о Черкасе Александрове появились в тексте ПЛ благодаря «его меморатной обработке», они могли быть внесены (не позднее 1680-х годов) потомками «ермакова казака», ставшего головой служилых татар. Вместе с тем исследовательница включает Черкаса в число сибирских летописцев XVII в.[2] Как представляется Е. И. Дергачевой-Скоп, создатель ПЛ (рукопись которого по происхождению связана с Посольским приказом) мог располагать записью этого сподвижника Ермака «Тимофеевича» о разгроме Кучума на Оби. Летописное же сообщение о судьбе сыновей непокорного хана Е. И. Дергачева-Скоп по традиции считает припиской[3].

Заметим, что в этом сообщении речь идет об умерщвлении Сейдяком (Сеид-ханом, Саййид Ахмадом беком) семерых из десяти сибирских царевичей. Другие источники данное свидетельство ПЛ не подтверждают, зато позволяют определить, что у Кучума было тринадцать сыновей[4]. Это лишнее основание думать, что о хранившемся в Посольском приказе «писме», раскрывающем, как в русском плену очутилось несколько из них, создатель «Повести летописной...» знал только понаслышке. В ПЛ находим всего три лаконичных заметки про Черкаса, и возводить их к собственноручным записям, тем более летописи сподвижника Ермака вряд ли уместно. По-видимому, данные о Иване Александрове автор разбираемой «Повести...» заимствовал из его «послужного списка», возможно, челобитной. (В качестве примера такого рода прошений сошлемся на челобитную

небезызвестного сургутского атамана Т. Федорова). Скорее всего это не единственный документ, привлекший внимание анонимного книжника. По наблюдению Е. К. Ромодановской, в ПЛ подробнее, чем в Есиповской летописи, рассказывается об экспедиции И. А. Мансурова за «Камень», в частности, сообщается о том, что отряд этого видного дворянина насчитывал семьсот стрельцов и казаков из разных городов. (У Есипова такой цифры нет; согласно С. У. Ремезову, под началом Мансурова состояла сотня воинов). В ПЛ, что тоже отмечено Е. К. Ромодановской, в отличие от «повести» Саввы Есипова сказано о смерти князя С. Д. Болховского голодной зимой в Старой Сибири. (В оценке исследовательницы перед нами свидетельства того, что ПЛ предшествует владычной летописи 1636 г. Но известия о походе Мансурова и судьбе отряда Болховского могли дополнить есиповскую «повесть» при ее редактировании). Наличие в ПЛ сведений документального происхождения, причем за время, когда ни Тюмени, ни Тобольска еще не существовало, склоняет к мысли, что «списателю» были доступны материалы приказных архивов столицы. Менее вероятно, что эти материалы создателю ПЛ стали известны по копиям, которые могли иметься в «первоимянитом граде» Сибири. Предположение же Е. И. Дергачевой-Скоп, будто поздний редактор располагал записью Черкаса о разгроме Кучума на Оби, подтверждения в интересующем нас памятнике не находит. (Об участии соратника Ермака в этом сражении 1598 г. известно лишь по отписке в Москву тарского головы А. М. Воейкова).

Примечательно, что в летописном рассказе о сибирской экспедиции 1586 г., завершившейся основанием Тюмени, Иван Александров «с товарыщи» отличается от «ермаковых казаков». (Считать подобно Д. Я. Резуну, что в походе начала 1580-х годов за «Камень» Черкас возглавлял строгановских «охочих людей»[5], едва ли допустимо).

А. Т. Шашков, обосновывая тезис о первичности «Повести летописной...» сравнительно с есиповской, указывает на то, что

в ПЛ сообщается про использование русскими дороги, заброшенной с открытием Бабиновской. Судя по наказу окольничему С. Ф. Сабурову, А. Ф. Третьякову и дьяку Т. А. Витовтову, сменившим в 1599 г. прежних тобольских администраторов, старый путь (через Лозьву), однако, не был оставлен сразу после прокладки дороги, названной в честь А. С. Бабинова[6].

С точки зрения Д. Я. Резуна, от казачьего «написания», одним из вероятных авторов которого был Черкас (такое мнение еще в 1973 г. высказала Е. К. Ромодановская), «пошли» все остальные сибирские летописи. Н. А. Миненко тоже находит, что «списки»,переданные ермаковцами Киприану, стали протографом этих летописей, и получается, что сибирская историография обязана своим рождением казакам[7]. Однако «написание», по прямому указанию Есипова, послужило главным источником синодика атаманов и их соратников, павших при завоевании «Кучумова царства», оно, как можно думать вслед за В. Г. Мирзоевым, представляло собой своеобразную «скаску», аналогичную отпискам землепроходцев, т. е. весьма краткий документ, который уже ввиду лаконичности не мог составить основу Есиповской и Строгановской летописей, тем более Книги записной (где бегло говорится о завоевании «ермаковой дружиной» «Закаменьской страны») и последующих редакций Сибирского летописного свода, преимущественно являющихся лишь «росписями» администраторов зауральских городов и острогов. При составлении синодика «написание», как неоднократно подчеркивалось в литературе, подверглось переделке в окружении Киприана. Даже если эта казачья «скаска» вместе с поминальным списком героев «Сибирского взятия» использовалась создателями официальной тобольской летописи (предшествовавшей повестям Есипова и анонимного строгановского «историографа»), произведение в форме повременных записей, посвященное крушению «Кучумова юрта», появилось по инициативе одного из первых архиепископов нового «царства» московского самодержца[8], - инициативе, реализация которой выпала на долю

представителей владычного клира и приказного люда. Следовательно, сибирская историческая книжность возникла не только благодаря казакам. Наиболее богатой оказалась ее «есиповская» ветвь, которую представляет (но едва ли замыкает[9]) и содержащий ряд уникальных свидетельств ПЛ.

Примечания

1 Ромодановская Е. К. Избр. труды: Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск, 2002. С. 181 – 229, 234; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 363, 367, 368.

2 Дергачева-Скоп Е. И. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск, 2000.С. 35, 36, 38.

3 Там же. С. 18, 36, 53. Исследовательница пишет о создании ПЛ то в Сибири, то вне ее (Там же. С. 8, 39).

4 См.: Нестеров А. Г. Династия сибирских Шейбанидов//Тюркские народы: Материалы V-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 2002. С. 209 – 211.

5 Резун Д. Я. Куда и с кем ушли казаки после гибели Ермака?//Изв. Сибир. отделения АН СССР: Сер. обществ. наук. 1981. №11. Вып. 3. С. 18. Утверждение, будто «в официальной, правительственной версии» «Сибирского взятия» «нет места» Ермаку (Там же. С.17), по меньшей мере односторонне.

6 См.: Рос. гос. архив древних актов. Ф. 214. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 160об.

7 Миненко Н. А. Задачи изучения истории казачества восточных регионов России на современном этапе//Казаки Урала и Сибири в XVII – XX вв. Екатеринбург, 1993. С. 14; Резун Д. Я. Родословная сибирских фамилий: История Сибири в биографиях и родословных. Новосибирск, 1993. С. 16 – 17. Ср.: С. 223.

8 О «сибирском» титуле российских государей рубежа XVI – XVII вв. см.: Лаврентьев А. В. Царевич – царь – цесарь: Лжедмитрий I, его государственные печати, наградные знаки и медали 1604 – 1606 гг. СПб., 2001. С.14, 15, 184 – 186. Ср.: С. 21, 22. См. также: Лихачев Н. П. Историко-археографические заметки//Сб. статей в честь Дмитрия Фомича Кобеко. СПб., 1913. С. 79.

9 См.: Очерки русской литературы Сибири: В 2-х т. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 82.

В.Д. Пузанов

Военный потенциал русского населения Сибири (XVII – XVIII вв.)

Наряду с использованием регулярных частей администрация Сибири по мере необходимости прибегала и к людским ресурсам крестьянского населения края. По сведениям Николая Витсена, путешествовавшего в Россию в 1664 - 1665 гг., крестьяне Сибири были, как правило, "... хорошо обеспечены оружием, так что, когда язычники – разбойники пытаются их обидеть, они закрываются в своих домах и из ружей стреляют через окна и с легкостью изгоняют их" . Акты XVII в. свидетельствуют, что власти Сибири не только поощряли распространение огнестрельного оружия у русского населения, но иногда и раздавали его сами из "государевой казны". Так в грамоте Федора Алексеевича 22 сентября 1679 г. верхотурскому воеводе Р. Павлову в связи с доведением до тысячи человек драгун на Исетской линии предписывается выдать им мушкеты и пищали, "... которые были у солдат и у беломестных казаков и у крестьян даны из нашей великого государя казны". Помимо защиты острогов и слобод, местное население Зауралья вместе с войсками и самостоятельно участвовало в стычках, вылазках, разведывательных операциях. В 1662 г. отряд Невьянского монастыря "побил в походе" 200 воровских татар, старцы Исетской пустыни в ходе башкирского восстания периодически совершали объезды Приисетья вооруженными отрядами. 25 июня 1663 г. по приказу старца Далмата старец Лот с 3 солдатами и группой крестьян (всего 50 чел.) ездили в степь "для проведывания вестей... с ружем" на верховья р. Исети к Уральским горам, подобная поездка на 10 дней состоялась и в 1664 г., одновременно старцы с 5 – 6 вооруженными крестьянами часто уезжали из монастыря "по дни и по полтора и по два". Подобная активность населения проявлялась не только в периоды боевых действий, в 1672 г.,

когда к рекам Исети и Тоболу прикочевал калмыцкий тайша Мелай, выразивший готовность служить русскому царю "со всеми своими улусными людьми", слободчик Суерской слободы Осип Давыдов и Федор Кренев, собрав драгун, беломестных казаков пашенных крестьян и "кречатьи помытчики" Исетской слободы 70 чел. вышли в степь и разгромили кочевья Мелая, "... кочевных его людей побили, а жен их и детей взяли, а погромную рухлядь разделили по себе", что вызвало недовольство центральной власти. В период казахского натиска на слободы Зауралья указ Петра I от 17 января 1701 г. требовал в городах и слободах Тобольского уезда, "а наибольше в тех местах, которые к степям близки" от слободских всякого чина людей и крестьян "тех слобод и деревень быть в готовности с опасением, чтоб у них, против наших великого государя прежних указов, было у всякого конного и пешего, ружье, пищали, копья, бердыши, саадаки, а в острожках и в драгунском полку и пушки". В случае отсутствия "у крестьян у кого" ружья Петр I требовал купить его или выменять на хлеб. Помимо этого указ предусматривал воинские учения крестьян Южного Зауралья силами размещенного в крае драгунского полка, "а когда у них зимою дела нет, устроя у крестьян у 100 человек по капитану и поручику и их же братьи мужиков воинскому делу учить без отговорки, у всякого б ружье в дому всегда в готовности было, и в летнее время тем ружьем могли б всякому неприятелю учинить пристойный отпор и себе оборону...". Офицеры должны были собрать записи крестьян о количестве таких крестьянских сотен в каждой слободе, из крестьян выбирались сотники и десятники, надзиравшие за состоянием оружия, состоянием вооруженных караулов, выставляющихся на поле на время работы "... и к покупке ружья и к караулам всяких чинов людей понуждать неволею, чтоб во время прихода неприятельских людей могли всякого чина люди с ними биться и в погоню за ними ходить". 20 февраля 1724 г. еще один указ Петра I потребовал от "всякого чина и служилых людей" новых дистриктов Тобольской губер-

нии, чтобы они "жили с великим опасением и осторожностью, как с огненным и острым ружьем и были в готовности". Петровское правительство уже не видело существенной разницы между военным населением пограничного края и крестьянами, которые должны были делать то же, что и первые – учиться воинскому делу, оборонять слободы и участвовать в походах, ничего не получая за службу, в этом причина быстрого набора крестьян в 1713 г. в "беломестные драгуны". Если настоящие драгуны саботировали данное мероприятие, вследствие отмены у них жалования, то крестьян Зауралья устраивала сама возможность не выполнять повинности и не платить налоги за службу, за что они готовы были даже дать крупную взятку.

В условиях катастрофической нехватки служилых людей Сибири в ходе башкирского восстания 1705 – 1711 гг., воевода Тобольска князь А. Черкасский издал указ, "кто похочет всякого чину слободские жители идти охотой на воинских людей башкирцев для поиску войной те бы люди приезжали в Катайский острог с ружьем, лошадьми и запасы", возложив командование "охочими людьми" на первого драгунского капитана острога в 1698 г. в отставке Осипа Мурзина. Характерно, что желание воевать заставило часть крестьян вступить в конфликт с представителями местной администрации. Верхотурский воевода не подтвердил тобольский указ в своем уезде, но крестьяне Камышловской и Тамакульской слобод, несмотря на запрещение приказчика, уезжали в Катайский острог "...утайкой, скажутся, будто они уехали на покос, а они уезжают в охочие в степь, а мне их удержать невозможно, для того, что пора летняя". Позднее отряд Осипа Мурзина, насчитывавший к тому времени 200 чел. "охочих крестьян", вошел наряду с драгунами Зауралья в подчинение Ф. А. Толбузина, принимал участие в сражении 12 августа на озере Чебаркуль. Помимо этого существовали отдельные отряды ряда слобод. Например, 26 апреля 1709 г. крестьяне Пещанской слободы – 34 чел. с ружьем – преследовали отогнавший скот от слободы отряд башкир, "нагнав

билися с ними... скот отбили", 28 мая после отгона скота у Арамильской слободы отряд сержанта Семена Травина в 150 драгун и крестьян нагнал в степи башкир, но был отбит, потеряв 18 чел. убитыми, 20 ранеными, 20 пленными. В июле 1709 г. отряд охочих людей Багаряцкой слободы вышел в степь на повстанцев, в бою "русских людей пало многое число". По сведениям Акинфия Демидова в июле 1709 г. после нападения повстанцев на Каменский завод "русские люди разных слобод, собрався волница за ними изменники... в степь ходили, кошев 5 побили и скот на завод отбили". 10 августа отряд русских крестьян и черемис Чусовой слободы из 90 чел. разбил появившийся у слободы отряд повстанцев в 70 чел., перебив 20 из них. Таким образом, использование крестьян Сибири в боях на его территории восполняло отсутствие регулярных сил и носило самый широкий характер.

В 1732 г. часть крестьян Сибири была переведена на положение выписных казаков, которые наряду с работой на пашне, выполняли определенные военные обязанности – служили в караулах, разъездах и т. д. В 1750 г. генерал-майор Киндерман провел дополнительный набор в казаки по 10 от 100 чел. крестьян, что позволило создать 10 полков и 5 команд, в которых служило 9630 выписных казаков. На юге Сибири были сформированы Ялуторовский (860 чел.) и Ишимский (600 чел.) полки. Перепись Киндермана 1749 г. по 11 пограничным слободам Среднего Притоболья, входящих в состав Ялуторовского дистрикта зафиксировала у его жителей 961 единицу огнестрельного оружия, в том числе 798 винтов, 88 турок, 13 фузей, 19 мушкетов, 33 глади, 2 карабина и 8 пистолетов. Обращает на себя внимание сам факт переписи в период опасности нападения джунгар всего боеспособного (от 16 до 50 лет) мужского населения пограничных слобод Сибири, которые рассматривались администрацией как главный резерв вооруженных сил. В Среднем Притоболье такой резерв составлял 6302 чел., 15 % которых имели ружья различных систем. Количество оружия на человека колебалось в

зависимости от близости слободы к границе. Например, в Салтосарайской слободе огнестрельное оружие имели лишь 6 % боеспособного населения, зато в Утятской и Верх-Суерской 23 % и 34 % соответственно, в большинстве слобод эта цифра составляла 14 % (Емуртлинская слобода) – 15 % (Царев Курган).

М.А.Деликатная

К вопросу о развитии ярмарочной торговли в Тобольской губернии в конце XIX- начале XX вв.

Проблемы развития экономики являются наиболее исследованными в истории Сибири XIX-XXвв. В то же время многие из них требуют дальнейшего изучения. Это в полной мере можно отнести к развитию ярмарочной торговли в Сибири, в частности, Тобольской губернии.

Ярмарочная торговля в Тобольской губернии второй половины XIX-XX вв. анализируются фрагментарно, в контексте изучения истории буржуазии, экономики различных регионов страны.

Первые исследования по истории сибирской торговли появились ещё в середине XIX в. Многие из них, представляя собой своеобразные «путевые заметки», содержат ценные наблюдения о характере и формах торговли, что делает их весьма привлекательными для современных исследователей.

В числе этих трудов можно назвать сочинения Н. Гагемейстера, Н. Н. Ядрицева, В. Иванова, А. Сибирякова, Н. В. Шелгунова, Г. З. Елисеева, И. Завалишина. Среди множества работ исследователей первых лет XX в. находим серьёзные аналитические публикации П. М. Головачева, М. Боголепова, М. Соболева, А. Кауфмана и др. Этими авторами был собран и частично опубликован фактический материал о торговых занятиях населения, количестве ярмарок и торговых площадей в Тобольской губернии.

Как отмечает Т.К. Щеглова, ярмарочная торговля на территории Сибири в пореформенный период распространялось неравномерно. В частности, Тобольская губерния значительно превосходила соседние сибирские губернии по количеству функционирующих ярмарок: в 1851 г. в ней функционировала 81 ярмарка, в то время как в Томской - всего 6.

Во второй половине XIX в.- начале XX в. происходит постоянное увеличение числа ярмарок в губернии: если в 1879 г. их насчитывалось 113, то в 1907 г. - уже 289.

Вот как выглядит распределение ярмарок и торжков по уездам Тобольской губернии в 1907г.

Уезд	Кол-во ярмарок и торжков
Курганский	101
Ялуторовский	100
Ишимский	99
Тюкаменский	48
Тарский	37
Туринский	36
Тюменский	20
Тобольский	10
Сургутский	2
Березовский	1

Наиболее значительным событием в экономической жизни губернии во второй половине XIX- начале XXвв. являлась Зимняя Никольская ярмарка в г. Ишиме, которая занимала третье место в Сибири по товарооборотам. Ярмарка проходила ежегодно с 1 по 25 декабря. Специализируясь на торговле продуктами животноводства (мясо, сливочное масло, сало, кожи), Никольская ярмарка устанавливала в регионе цены на сало, определяла правила его продажи, хотя этим продуктом торговали и на других ярмарках губернии и Сибири. Среднегодовые обороты яр-

марки, по данным З. Вольского, колебались от 4 до 6 млн. рублей.

Среди ярмарок, действовавших в северных уездах губернии самой значительной являлась Обдорская (село Обдорское Березовского округа), действовавшая с 1 по 15 декабря. Основным товаром на ярмарке была пушнина, поставляемая инородцами северных уездов.

На развитие ярмарочных форм торговли в рассматриваемый период оказывал влияние ряд факторов. Среди них наиболее существенными являлись географические особенности местности, плотность населения, доступность населенных пунктов, развитие путей сообщения. В частности, с началом грузоперевозок по сибирским железным дорогам заметно изменилась роль крупных ярмарок в Тобольской губернии. Если в 1860-1880-х гг. средние обороты крупных местных ярмарок постоянно возрастают (в среднем в 3 раза), то с началом эксплуатации западных участков Транссибирской магистрали они значительно снижаются, поскольку большая часть товаров стала вывозиться по железной дороге в различные регионы страны. В связи с этим в 90-х г. XIXв. - первые годы XX в. шел процесс дробления крупных ярмарок Тобольской губернии и снижение степени их значимости в экономической жизни края. Одновременно возрастало число мелких ярмарок и торжков, особенно в отдаленных местностях губернии. Сооружение железных дорог привело к снижению стоимости привозных товаров, расширению рынка их сбыта и увеличению его ёмкости. В «Обзоре Тобольской губернии за 1910 г.» отмечалось, что Ишимская, Тюменская и Курганские ярмарки благодаря близости к железным дорогам имели скорее общероссийское значение, нежели местное. Экономическим интересам края отвечали мелкие ярмарки и торжки, действовавшие «на всем пространстве Тобольской губернии, даже в самых глухих селениях».

Несмотря на развитие капиталистических отношений и втягивание Сибири в общероссийский рынок, способствовавших

формированию новых форм торговли за Уралом, ярмарки и торжки Тобольской губернии своего значения не утрачивают. Только с апреля 1904 по март 1910 г. в губернии их было открыто 118.

В целом изменения, которые произошли в сибирской торговле во второй половине XIX- начале XX вв., затронули лишь её организационные формы, сущность же осталась прежней: из Сибири в основном вывозили сырье, а ввозили готовую продукцию отечественных и зарубежных производителей.

О. А. Задорожняя

Рыбопромышленная деятельность Торгового Дома «М. Плотников и Сыновья» на Тобольском Севере.

Во второй половине X1X в. в Западной Сибири активно шел процесс создания предпринимательских организаций, объединений, которые расширяли сферу своей деятельности используя традиционные промыслы Тобольского Севера. Одной из наиболее влиятельных компаний было «Буксирно-пассажирского и легкопассажирского пароходства по рекам Западной Сибири» с первоначальный капиталом в 90 тысяч рублей и с юридическим адресом: Тобольск, улица Большая Пятницкая, дом 3. Это предприятие было преобразовано в Торговый Дом «Плотников и Сыновья», учредителями которого стали тобольский купец Михаил Данилович и его старшие сыновья Василий и Иван. Статус учредителей, предполагаемых участников был отражен в Уставе Товарищества, утвержденном Министерством Финансов и опубликованном в периодической печати. Михаил Данилович распределил обязанности и сферы деятельности между сыновьями, но остался идейным центром всего предприятия: все нити управления, деловые связи, договора, начало новых мероприятий находилось в его руках.

Большое внимание компанией уделялось рыбному промыслу, объем которого среди других сфер деятельности с начала XX в. значительно возрос. Торговый Дом изначально вел добычу крупных партий рыбы на плесах Оби в основном в Березовском уезде. Активно стал вкладываться капитал в эту отрасль с того момента, когда в предпринимательскую деятельность включился младший сын Михаила Даниловича – Даниил. Эта отрасль предпринимательства прошла несколько этапов своего развития: аренда рыбных песков, создание рыбодобывающих артелей из местных жителей и наемных работников, первичная переработка рыбы и, наконец, открытие рыбных заводов. С 1895г. было арендовано 8 рыбных мест предназначенных для ловли рыбы разных сортов со специальными помещениями; Куноватский, Пужлановский, Мелексинский, Питляровский, Чупурас, Куруптинский, Сумутнель и Оксарсковский участков. Аренда рыбных песков устанавливалась в среднем на 3-4 года, а Куноватского – на 30 лет. Отметим, что это были наиболее крупные угодья Обь-Иртышской системы. Например, в Обдорском районе Плотниковы эксплуатировали 7 угодий, которые охватывали 200 верст берега. Годовая арендная плата за все рыболовные места составляла 1375 рублей. Помимо этого купцы обязывались ежегодно поставлять владельцам по 30 пудов ржаной муки. В связи с долгосрочной арендой, были построены специальные помещения для проживания артелей и переработки продукции: 24 жилых домов, 30 нежилых, в том числе складов, морозильников и 9 бань. Ежегодно нанималось на время проведения лова рыбы более одной тысячи рабочих. Для удешевления рыбного производства Плотниковы приобрели сетевязальную фабрику, которая обеспечивала пески необходимым оборудованием и приспособлениями, например, использовались неводы различной длины и т.д.

В отчете Тобольского отделения общества судоходства за 1916 г. указывалось: «В нынешнюю войну рыбные продукты в виду существенного недостатка мяса имеют в государстве гро-

мадное значение...». К этому времени Плотниковы были владельцами нескольких рыбоконсервных фабрик с отделениями. Создание рыбного производства заняло достаточно продолжительное время и потребовало вложения большого начального капитала. По традициям рыбу везли в Тобольск или Томск, где она проходила окончательную переработку. Это занимало время и ограничивало количество необходимого сырья возможностями производственных мощностей. Поэтому было решено перенести обработку рыбы непосредственно на места ее вылова, где имелись рабочие руки. Один из сыновей М.Д. Плотникова ездил заграницу для знакомства с организацией и технологией рыбоперерабатывающего производства.

Первое в Сибири рыбоконсервное производство со специальным оборудованием, современными технологиями было открыто в 1898 г. в 110 верстах от Березова. Предприятие занимало около 5 десятин земли в районе Питлярских юрт. Купцы взяли в аренду эту территорию с 1 июня 1896г. на 3 года у местных жителей, а затем - у коронной администрации на 24 года с оплатой по 10 рублей за десятину в год. Казна завысила арендную плату, так как стоимость одной десятины в Тобольске доходила до 3 рублей за десятину ежегодно. Вместе с тем, устройство выгодного для государства и доходного предприятия потребовало не только больших материальных затрат, но и терпения, настойчивости предпринимателей. Фабрике состояла из самого здание предприятия размером 18 на 5 саженей, а также ряда подсобных помещений, складов, амбаров. Здесь постоянно было занято: 1 мастер (первый мастер был приглашен из Германии), 2 помощника и 29 рабочих. Однако усилия и капиталовложения предпринимателей окупились в первые годы работы: с 1898 по 1902 гг. было произведено 470 тысяч банок рыбных консервов на сумму 235 тысяч рублей, в среднем по 7833 штуки в месяц. В качестве сырья на производстве использовались только ценные сорта рыб: нельма, стерлядь, муксун и т.д. Но со временем предприятие не могло справляться с объемом достав-

ляемого сырья, даже при том, что первичная обработка его происходила на самих песках.

В 1900г. на Сумутнельских песках вблизи Обдорска был открыт перерабатывающий пункт, находившийся в здание размером 14 на 5 саженей. Со временем здесь была организована Обдорская фабрика, на которой постоянно трудилось: 1 мастер, 2 помощника, 4 паяльщика и 28 рабочих. В период с 1900 по 1902гг. было произведено 180 тысяч штук консервов на сумму около 90 тысяч рублей. В среднем объем годового производства этого предприятия составлял 90 тысяч штук, а доход около 45 – 50 тысяч рублей. Через некоторое время Березовская фабрика по всем показателям отставала от своего бывшего отделения. По объемам выпускаемой продукции выделяется также рыбоконсервное производство в Тобольске. Еще одно крупное отделение находилось недалеко от Самарово. Оно располагалось в деревянном здании с каменным фундаментом под железной крышей, при нем находился лабаз, амбар, хозяйский дом.

Головные предприятия круглогодичного цикла по переработке рыбы работы находились в Тобольске, Обдорске, Томске. Постепенное расширение объемов переработанной продукции требовало либо увеличения мощностей, либо количества переработочных участков. Поэтому на Севере по мере необходимости открывались временных пунктов для первичной переработки рыбного сырья и скупки товара у населения.

В связи с успешным развитием рыбоконсервного производства Плотниковы принимали различные меры для его постоянного расширения. С этой целью в Тюмени был открыт завод по изготовлению жестяных консервных банок. Самым большим событием в начале XXв. для Торгового дома стали закупка нового оборудования и внедрение совершенных технологий по переработке рыбы и рыбопродуктов на собственных предприятиях. Для улучшения организации производства Плотниковы на собственной судоверфи построили специаль-

ную шхуну «Мария», которая предназначалась не только для перевозки, но и первичной переработки рыбной продукции. Уже в первый год свой деятельности на шхуне было заготовлено 20 бочек рыбы.

В начале XXв. в рыбном промысле наблюдался серьезный соляной кризис, стоимость необходимого сырья для данного производства возросла в несколько раз. Это обстоятельство заставило Плотниковых обратить внимание на соляный промысел. К 1910-м гг. Торговый Дом стал фактически монополистом по добыче соли и обеспечении ею районов Западной Сибири. Губернская комиссия в 1915 г. выяснила, что основная часть озер Коряковских соляных озер вблизи Павлодара находилась в долгосрочной аренде у Плотниковых или их родственников. Ежегодно добывалось до миллиона пудов соли только для Тобольской губернии. Оптовая цена этого товара составляла от 20 до 60 копеек, розничная доходила 1 рубль 20 копеек.

Основные рыбные рынки региона находились в Тобольске и Томске, куда и доставлялась продукция. В 1902г. Торговый Дом «М. Плотников и Сыновья» участвовал в работе международной рыбопромышленной ярмарки в Петербурге, где был удостоен золотой медали. Но более существенным успехом являются договор с одной из американских торговых компаний на поставку рыбной продукции в США, а также временные «пробные» соглашения с европейскими компаниями.

В.В. Цысь

Обдорская миссия в годы Гражданской войны.

В отечественной исторической литературе история распространения христианства на севере Западной Сибири, как правило, ограничивается 1917 г. Некоторые авторы утверждают, что октябрьский переворот повлек за собой «прекращение миссионерской деятельности русской православной церкви».[1] С данным мнением в полной мере нельзя согласиться. В Тобольске на

протяжении 1917-1919 гг. продолжал функционировать комитет православного миссионерского общества, по-прежнему существовали противомусульманская и Обдорская миссии. Их деятельность не прекратилась, а видоизменилась под влиянием чрезвычайных обстоятельств, вызванных революцией и Гражданской войной.

В рассматриваемый период Обдорская миссия, занимавшаяся христианизацией ненцев и хантов, столкнулась с рядом проблем как объективного, так и субъективного характера. 1917 г. ознаменовался острым конфликтом между настоятелем миссии священником Сергеем Егоровым и его заместителем священником Андреем Шихалевым. Эти два человека являлись своеобразным олицетворением существовавших в то время тенденций в среде православного духовенства. С. Егоров, по-видимому, относился к тем людям, которые привыкли к неспешному ведению дел, выполнявшим свои обязанности так, как будто бы ничего не произошло и казалось бы не замечавшими всероссийской смуты.

Пассивность С. Егорова крайне раздражала А. Шихалева, обладавшего неуемной энергией и осознававшего необходимость внесения изменений в слишком уж размеренную жизнь миссии. Следует отметить, что бездействие С. Егорова было вызвано отчасти его состоянием здоровья. За два года службы в качестве настоятеля (с 1916 г.) он часто болел, вынужден был даже выезжать в Казань, где ему сделали операцию. На обратном пути он пережил крушение поезда, в результате чего повредил ногу. Поэтому в течение нескольких месяцев С. Егоров фактически не выходил из дома, оставив миссию без надлежащего надзора. Однако, по мнению А. Шихалева, все эти обстоятельства не служили для С. Егорова достаточным оправданием. В многочисленных письмах и рапортах, представленных Тобольскому комитету миссионерского общества, заместитель настоятеля отмечал, что глава миссии отказывается от приема детей в инородческий пансион, хочет соединить миссионерскую школу с

местной светской а освободившееся помещение передать под квартиру священника, не следит за порядком и чистотой в зданиях миссии. Среди претензий, предъявленных к С. Егорову можно выделить следующие: «Допускает эксплуатацию труда остяков и самоедов в свою личную пользу... до преступности небрежно относится к своим пастырско-миссионерским обязанностям, так что были случаи когда две остячки ушли от него некрещеными только потому, что он не распорядился привезти воды для купели, и вообще, не он больше склоняет инородцев к крещению, а наоборот, остяки упрашивают его окрестить их».[2] Неприязнь между священнослужителями зашла так далеко, что С. Егоров даже запретил своему заместителю служить литургию и совершать поездки в миссионерский стан в Хэ. Все предъявленные обвинения он назвал «гнусной клеветой, не достойной личности доносчика».[3] Конфликт, продолжавшийся, по меньшей мере, до середины 1918 г. дезорганизовал работу миссии. Ее сотрудникам приходилось больше отвлекаться на внутренние склоки, чем заниматься своими прямыми обязанностями.

Другой серьезной проблемой, с которой пришлось столкнуться Обдорской миссии, являлся недостаток финансовых средств. Развал хозяйственной жизни вызвал повсеместный рост цен на большинство товаров первой необходимости. Между тем, доходы миссии значительно сократились. Так, по утвержденной 29 августа 1917 г. смете, общие расходы Тобольского комитета миссионерского общества в 1918 г. должны были составить 15.465 руб., из которых большая часть шла как раз на содержание Обдорской миссии. (Еще в 1916 г. общие расходы комитета не превышали 9 тыс. руб. в год). Из этой суммы 5.400 руб. должно было поступить из Москвы от центрального совета общества. Разница покрывалась за счет местных сборов и накоплений, сделанных в предыдущие годы.[4] В 1919 г. расходы по смете выросли до 28.905 руб. Местные сборы могли дать только около 4 тыс. руб.[5] Субсидии из Москвы по понятным причинам теперь не выделялись. Поэтому образовался значительный бюд-

жетный дефицит, покрытие которого из каких-либо других источников оказалось невозможным.

Третий фактор, неблагоприятно сказавшийся на работе миссии – определенное охлаждение к православной церкви в целом и к миссионерской деятельности в частности значительной группы населения. Это охлаждение было вызвано, во-первых, тем, что в условиях ожесточенной вооруженной борьбы, многими даже искренне верующими, распространение христианства среди иноверцев перестало восприниматься как актуальная задача. Во-вторых, война и дезорганизация государственной власти ослабили традиционные морально-нравственные устои. В частности, после отмены Временным Сибирским правительством сухого закона повсеместно распространяется пьянство. Первый пароход с грузом алкогольных напитков прибыл в Обдорск в начале октября 1918 г. Земское правление разрешило начать продажу вина накануне дня святого Гурия, небесного покровителя Обдорского миссионерского братства. Поэтому в день праздника в храме почти никого не оказалось, т.к. население, скорее всего, все еще отмечало отмену сухого закона. По свидетельству А. Шихалева, «инородец откладывает каждую копейку на вино». В-третьих, теперь открыто могли выражать недовольство деятельностью миссионеров те жители Обдорска, которые давно уже по тем или иным причинам отошли от христианства, т.к. до 1917 г. высказывать свое неприятие официальной церкви и ее институтам было достаточно рискованно. Дело здесь не только в распространении атеизма. Необходимо отметить, что религиозные верования аборигенов оказывали определенное воздействие на духовную культуру пришлого населения, что приводило к формированию своеобразного религиозного синкретизма. Так, в рапорте, поступившем на имя преосвященного Иринарха 25 января 1919 г., А. Шихалев отмечал, что он «не встречает сочувствия» у местных жителей в миссионерском деле, т.к. многие русские и зыряне сами «вкушают жертвенного мяса и пьют кровь когда приносят жертву идолу... даже

заставляют шаманить пред тем когда приезжают на пески ловить рыбу, то узнают какой будет лов, а женщины шьют на идолов рубашки, за которые берут 300 рублей и больше»[6]. А. Шихалев также упоминает случаи, когда некоторые русские отговаривали аборигенов от посещения миссионерского храма.

Тем не менее, вопреки указанным выше трудностям, работа по распространению христианства среди коренного населения и просвещению края не прекращалась. Из мероприятий, осуществленных при активном участии Обдорской миссии, можно выделить организацию церковно-приходской школы в Ныде. 7 декабря 1917 г. «обыватели местности Нарэ» составили приговор, с просьбой об открытии школы «которая учила и питала (бы) духовною пищею наших юных птенцов». Общее число детей школьного возраста в селении и его окрестностях составляло 35 человек.[7] В числе лиц, подписавших данный документ, были как русские, так и крещеные ненцы. Тобольский комитет миссионерского общества решил пойти навстречу пожеланиям жителей Ньды. Из имевшихся в Обдорске запасов были выделены ручки, карандаши, чернила. Тетради из Тобольска привез сам А. Шихалев. Учительницей назначается выпускница епархиального женского училища Агриппина Шахова. Ей из миссионерских сумм выделяется жалованье в размере 900 руб. в год. Церковно-приходская школа в Ныде приступила к работе с 1918-1919 учебного года.

Во многом благодаря усилиям А. Шихалева был придан новый импульс проповеднической деятельности миссии. Он хорошо знал хантыйский язык, поэтому мог вести собеседования на понятном для аборигенов наречии, не прибегая к услугам переводчика. В 1918 г. А. Шихалев посетил 87 чумов ненцев и хантов, в половине из которых миссионеры не были более 14 лет. Можно отметить его поездки в Юганские юрты в марте 1918 г., в «Собские» юрты в октябре – ноябре 1918 г. Регулярно А. Шихалев приезжал в Шурышкарские юрты. В ноябре 1918 г. здесь по его инициативе было создано приходское попечитель-

ство при молитвенном доме. В задачи попечительства входило оказание материальной помощи храму, сбор средств на благотворительные нужды. Под документом об открытии попечительства свои тамги поставили 14 представителей коренной национальности (ханты и ненцы). На содержание молитвенного дома ими было пожертвовано 16 оленей. Желание вступить в состав попечительства также изъявили сестры местной монастырской общины. Сведения о количестве обращенных в христианство в течение рассматриваемого периода носят фрагментарный характер. Например, известно, что в Шурышкарах в конце ноября 1918 г. А. Шихалев крестил 14 человек.[8]

Кроме того, в Обдорске настоятель миссии устроил «инородческий съезжий дом». Для этой цели миссией была нанята квартира за 30 руб. в месяц. А. Шихалев старался как можно чаще бывать в «съезжем доме» для того чтобы побеседовать с останавливающимися здесь аборигенами.

Усилиями А. Шихалева и учителя П.И. Иванцова была приведена в порядок библиотека миссионерского братства. Продолжала работать иконно-книжная лавка. Причем как и раньше бедным и новокрещеным ненцам и хантам кресты и иконы раздавались бесплатно. В то же время не получила поддержку инициатива А. Шихалева по устройству «профессионального класса по разным ремеслам» в миссионерской школе. Руководитель миссии считал, что дети должны выходить из стен школы «элементом трудящимся и полезным, а не тунеядцами, как это сейчас».[9] Реализация данной идеи требовала больших затрат. Поэтому Тобольский комитет миссионерского общества счел ее «несвоевременной».

В целом, период Гражданской войны можно назвать временем некоторого оживления деятельности Обдорской миссии по сравнению с годами первой мировой войны. И лишь установление Советской власти на севере в кон. 1919 – нач. 1920 гг. сделало продолжение работы миссии невозможным.

Примечания

1 См.: Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX-начало XX века). – Тюмень, 2001. – С.11.
2 Тобольский филиал государственного архива Тюменской области. – ф.58. – оп. 1. - д.8. – л.15-15 об.
3 Там же. – д.10. – л.13.
4 Там же. – л.1об-2.
5 Там же. – д.71. - л.2.
6 Там же. – л.2об.
7 Там же. – д.10. – л.21.
8 Там же. – д.71. – л.26.
9 Там же. – д.8. – л.5.

Л.В. Алексеева

О проблеме землеустройства и землепользования на Тобольском Севере (вторая половина 1920-х - 1930-е гг.)

Преодоление кризиса, переживаемого коренными народами, возможно восстановлением их хозяйственно-культурной автономии на основе соответствующих положений о землепользовании, которые долгие годы нарушались. Права на землю декларативно закреплялись «Временным положением об управлении туземными народностями и племенами северных окраин РСФСР» 1926 г. П.Г. Смидович, выступая с докладом в Комитете Севера при ВЦИК 12 января 1928 г. говорил о необходимости приступить к работе по закреплению за каждым туземным родом требуемой ему промысловой территории. (ГАРФ. Ф. 3977. Оп. 1. Д. 314. Л. 16.). Однако на деле права коренных жителей на землю не всегда соблюдались, особенно в связи с начавшимся активным хозяйственным освоением, с созданием государственных предприятий и колхозов. Особенностями землепользования у коренных народов было то, что каждый род занимал определенную территорию и пользовался ею в течение очень длительного времени, если не испокон веку. Пользование этой территорией без споров переходило от одного поколения к

другому. Если ослабевший род не в силах использовать освоенную им ранее территорию, то она беспрепятственно могла быть использована другими, нуждавшимися в ней. Если в течение нескольких лет семья не выходила на промысел, то соседи, нуждающиеся в этих угодьях, приходили и начинали их осваивать. (Западная Сибирь: история и современность. Краев. зап. Екатеринбург, 1999. Вып. 2. С. 50.)

Появление пришельцев на территории рода всегда замечалось по оставшимся следам. Занятие же промыслом посторонних на этой территории – событие из ряда вон выходящее для рода, поскольку род идентифицировал себя с землей, которую он контролировал. «Своей землей» ненцы и ханты называли ту территорию, на которой находились промыслы, пастбищные и рыболовные угодья. Появление государственных рабочих на рыболовных песках, беззалаберное отношение к рыбным и другим ресурсам - порождали естественное возмущение у аборигенов. Примечательно, что в северной тундре отсутствовало понятие собственности на тот или иной водоем, тогда как в южной - зоне интенсивного рыболовства, озера и реки были довольно четко распределены. В 1928 г. в Ларьякском туземном районе были определены и выделены в коллективный фонд рыбопромысловые угодья. Пожалуй, это был первый пример мероприятий по землеводному устройству на Тобольском Севере.

С образованием в 1930 г. национальных округов (Остяко-Вогульский и Ямало-Ненецкий) в окрисполкомах были созданы земельно-промысловые отделы, которые отвечали за землеустойство и коллективизацию. Началось повсеместное изъятие родовых угодий и создание рыбопромысловых артелей. Однако на Ямале процесс землеустроительных работ затянулся, начавшись в 1933 г. в виде составления проектов по четырем районам округа, замер на несколько лет. Коллективизация шла низкими темпами, споры между артельщиками и государственными ловцами из-за угодий были частым явлением. (ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 3.) Земля постепенно поступала в новое освоение. Або-

ригены жаловались советам, робко возмущались и отступали, поскольку не в их традиции было спорить за землю – это приносило беду. Землеустройство в Ямальском округе, несмотря на активные мероприятия по выработке различных документов[1] в начале 1930-х гг., не было закончено к концу 1930-х гг.

По постановлению ВЦИК от 10 сентября 1930 г. в первую очередь угодья предоставлялись колхозам и производственным кооперативным организациям, во вторую – бедняцким и середняцким хозяйствам и, в третью-всем остальным хозяйствам. Раньше землеустроительные работы начались в Самаровском районе, о чем свидетельствуют раздельные записи (ГАХМАО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 23. Л. 6 об.).

15 сентября 1932 г. Ямальский окрисполком принял постановление «О перераспределении земельно-водных промысловых угодий в районах». В документе отражено: «В ряде районов, особенно отдаленных и в частности Ямальском, Тазовском до сих пор не было произведено переразделa земельно-водных угодий, песцовых мест, ягельников, рыболовных озер, и по сие время в этих районах землепользование производится на основое родового феодального права...В целях пресечения земельной эксплуатации бедноты и батрачества со стороны родофеодальной знати и скорейшей ликвидации родо-сословных взаимоотношений в тундре...постановляет: в период октября-декабря во всех районах округа провести перераспределение тундровых земельно-водных угодий...» (Судьбы народов...С. 198.). Согласно этому документу, работы в Ямальском округе частично были начаты в 1933 г. Проекты составлены по 4 районам, но дальше этого дело не пошло. Между колхозами и предприятиями Рыбтреста возникали постоянные споры из-за угодий. Например, постоянным объектом спора являлись салмы (вид рыбоугодий) у селения Хэ между артелью «Промышленник» и гословцами (ЦДНИОО. Ф. 17. Оп. 1. Д. 980. Л. 4.)

Таким образом, можно сделать вывод, что землеводное устройство территории не было решено в первой половине 1930

х-гг. Хотя на этот счет в литературе имеется и другое мнение. Л.Е. Киселев писал, что с появлением «Положения о первичном земельно-водном устройстве трудового промыслового населения северных окраин РСФСР» от 10 сентября 1930 г. начались соответствующие работы, которые сводились к следушим моментам: Изъятие земель у кулаков и шаманов; передача земель артелям, товариществам, беднякам; создание государственных земельных фондов». Историк считал, что работы по землеустройству были завершены к 1936 г. (Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1976. С. 149-150.) В докладной записке по Ямальскому округу (1940 г.) отмечено, что в 1933-37 гг. было проведено лишь первичное землеводоустройство (ЦДНИОО. Ф. 17. Оп.1. Д. 2045. Л. 67.).

Несмотря на провозглашаемые попытки властей всех уровней по урегулированию земельно-водного вопроса в регионе, устройство территории не было завершено к началу Великой Отечественной войны.

Примечание

1 Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 сентября 1930 г. «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР», в котором были представлены общие положения, основания и порядок первоначального земельно-водного устройства и подчеркивалось, что документ «является сплошным и обязательным» для народов Крайнего Севера // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. Тюмень, 1994. С. 177-179.

И.И.Конышева

Л. Е. Киселев о рыбных угодьях Севера Западной Сибири в первые годы советской власти.

Л. Е. Киселев в научно – популярной книге «От патриархальщины к социализму», раскрывая в русле ленинской нацио-

нальной политики достижения народов Севера, почти не коснулся проблемы землеустройства и землепользования, которая является основополагающей для развития хозяйства. Автор ограничился противопоставлением землевладения в дореволюционный период и первых лет советской власти, подчеркнув, что до Октябрьской революции землепользование носило примитивно – захватный характер[1]. Приводя в качестве аргумента от 16 августа 1919 года, принятое ВЦИК и СНК РСФСР «Обращение к рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» он указал, что «земли фактического пользования инородцев не подлежат никаким ограничениям и урезкам и поступают в полное их общественное распоряжение»[4], что означало право туземного населения на пользование угодьями. Однако, в дальнейшем, в книге не нашло отражения указанной проблемы, а автор ограничился лишь рассмотрением рыбных угодий Тобольского Севера. Он отметил, что в 1914 г. на Тобольском Севере использовалось 391 угодье. Он подчеркивал, что в основном рыбоугодьями в конце XIX – начале XX вв. владели тобольские рыбопромышленники. «Все лучшие рыбоугодья оказались в руках тобольских миллионеров- промышленников... В 1895 году на Оби насчитывалось 333 мелких рыбопромышленника, каждый из которых имел 1-2 «песка» (рыбоугодья) и нанимал до 20 ловцов»[2]. Рыбные угодья пытались захватить и иностранные промышленники, но «местные рыбопромышленники...добились запрещения захватов пастбищ и промысловых угодий»[3].

Л. Е. Киселев не отмечает такое явление как сдачу в аренду русскими промышленниками угодий. Хотя в литературе есть сведения о том, что в аренду сдавали угодья и туземцы, неплохо зарабатывая на этом.

За время революционных потрясений рыбные промыслы и угодья использовались весьма слабо, поскольку туземное население добывало рыбу только для собственного потребления, а не на продажу (как это было до революции). С установлением в

центре советской власти большевистское правительство начало проводить меры по восстановлению рыбных промыслов в стране, но это не распространялось на Тобольский Север.

Лишь весной 1920 года Наркомпрод Республики командировал в Тобольск уполномоченных правительства... с заданием в кротчайшие сроки восстановить на Иртыше и Оби рыбные промыслы[6]. Теперь все рыбные угодья стали принадлежать Главному управлению по рыболовству и рыбной промышленности «Главрыба», следовательно коренные жители остались без объекта промысла..

С введением новой экономической политики и распространением ее на Север восстановление рыбных промыслов пошло быстрее, так как проводились соответствующие мероприятия, в их числе принятие декретов, регулирующих рыбодобычу, о чем прямо пишет Л. Е. Киселев: «В целях сохранения и воспроизводства рыбных запасов в начале 20-х годов вводились правила рыболовства» стр.90 31 мая 1921 года Совнарком РСФСР установил общие основы управления и организации рыбного лова. « Исключительное право эксплуатации водных угодий в определенных районах закреплялось за Главным управлением по рыболовству и рыбной промышленности «Главрыба» с его областными конторами»[5]. Во внутренних водоемах государственная монополия отменялась». Каждому гражданину РСФСР, уплатившему промысловый налог, предоставлялось право свободно заниматься промыслами и по своему усмотрению распоряжаться добытыми продуктами»[7].

В 1922 году произошла перестройка Главного управления (Главрыба), что диктовалось новыми экономическими условиями. Государство разрешило сдачу в аренду частникам свободных рыбоугодий. «Всего на промыслах Обского Севера государство разрешило сдачу в аренду частникам свободных рыбоугодий. «Всего на промыслах Обского Севера в эти годы действовало 27 частных предпринимателей, которые контролировали свыше 50 рыбоугодий»[8].

Следовательно, Л. Е. Киселеву не удалось представить в комплексном виде состояние дел в сфере землепользования и землеустройства.

Примечания

1 Л. Е. Киселев. От патриархальщины к социализму. Средне – Уральское книжное издательство, Свердловск,1974, С. 45
2 Там же. С. 72
3 Там же, С. 43
4 Там же, С. 44
5 Там же, С. 69
6 Там же, С. 91
7 Там же, С. 91
8 Там же, С. 92

В.Л. Левченко

О колхозном производстве в Ханты-Мансийском округе накануне и в годы Великой Отечественной войны

Накануне Великой Отечественной войны важной отраслью экономики Ханты-Мансийского округа являлось сельское хозяйство. К началу 1941 года здесь насчитывалось 336 колхозов, из них 153 сельхозартели, 154 рыбартели и 29 простейших производственных объединений (ППО), которыми было охвачено 11446 хозяйств из общего числа 12513 имевшихся в округе к тому времени. Помощь коллективным хозяйствам оказывали четыре машинно-тракторные станции (МТС), имевшие 36 тракторов, 44 плуга, 56 дисковых борон. В целом же МТС округа обслуживали в то время 50 сельскохозяйственных и 74 рыболовецких артелей.

Следует отметить, что создание ППО производилось с учётом местных условий. Так, в зависимости от направления основной деятельности ППО различались по уставу. Если рыболовецкая артель (РА) предполагала приоритетность рыболовства,

то в северо-смешанной артели (ССА) соблюдалась комплексность хозяйства (лесозаготовка, оленеводство, рыболовство и т.д.)

Однако, к 1940 году северо-смешанные артели были почти упразднены, а объединения возникшие на их месте были переведены на уставы рыболовецких и сельскохозяйственных артелей. Кроме того, установка на комплексное развитие хозяйств (самообеспеченность) подразумевала внедрение новых отраслей, таких, как животноводство, земледелие, звероводство и т.д. Это существенно осложняло работу колхозов и нарушало традиционную структуру природопользования.

Таким образом, предвоенные годы для округа, как и для страны в целом, были нелёгким временем, однако, судя по темпам развития, в регионе прослеживалась явная тенденция приближения их по уровню развития к передовым районам Советского Союза.

Великая Отечественная война внесла серьёзные коррективы в систему организации деятельности коллективных хозяйств. Во-первых, большое число работников ушло на фронт, и возникла проблема восполнения трудовых ресурсов, а во-вторых, из-за оккупации врагом традиционных сельскохозяйственных и промышленных районов страны, большие надежды возлагались именно на районы Сибири и Дальнего Востока, и Север Западной Сибири не явился исключением.

Работа всех предприятий и хозяйств округа была перестроена на военный лад. Особое положение в годы войны приобрели предприятия рыбной промышленности, в том числе, и рыбопромысловые добывающие хозяйства. Выход в решении проблемы нехватки рабочей силы, которая оставалась актуальной, был найден в привлечении на колхозные промыслы неработающее местное население из числа аборигенов, эвакуированных, спецпереселенцев и депортированных из Европейской части страны.

Трудность развития колхозного производства также заключалась в том, что процесс коллективизации на территории округа к началу Великой Отечественной войны ещё не был завершён, существовавшие к тому времени коллективные объединения зачастую не были достаточно окрепшими экономически и организационно. Значительная часть колхозников-рыбаков вообще вела кочевой образ жизни. Следовательно, весьма непросто было организовать стабильное выполнение высоких плановых заданий в условиях военного времени.

Коллективизация на территории Ханты-Мансийского округа была завершена в 1943 году. При этом вновь организованные колхозы освобождались от единого рыболовного сбора, им выдавались кредиты для приобретения рыболовецкого флота и орудий лова. Кроме того, был осуществлён перевод простейших производственных товариществ на уставы рыболовецких и сельскохозяйственных артелей.

Наряду с реорганизацией ПТТ, численность рыболовецких колхозов увеличивалась путём кооперирования единоличных промысловых и переселенческих хозяйств, а также путём специализации сельскохозяйственных артелей там, где это было экономически целесообразно. Несмотря на допущенные определённые перегибы и недочёты в организационной работе, курс на развитие колхозного рыболовства себя оправдал.

Серьёзным образом был изменён объём и содержание работы местных советов, по-новому встали вопросы руководства всеми отраслями народного хозяйства. В результате проведённой работы, использования новых административных методов, Ханты-Мансийский автономный округ внёс существенный вклад в дело победы над врагом. Вылов рыбы в годы Великой Отечественной войны увеличился в два с половиной раза, расширилась посевная площадь в округе, поднялись показатели животноводства, сократился ввоз продовольствия из южных районов Советского Союза.

Вместе с тем, наряду с общими высокими показателями, довольно частым явлением жизни колхозов военного времени являлись «экономическая слабость» и «невыполнение планов производства и госпоставок».

В своих воспоминаниях Иван Васильевич Борщёв, занимавший должность начальника Ханты-Мансийского окружного статистического управления в период с ноября 1942 года по февраль 1944 года, приводит примеры, как значительного перевыполнения плановых заданий, так и серьёзных провалов, когда план выполнялся всего на пятьдесят процентов. Перечисляя отстающие районы и имена их руководителей, И.В.Борщёв всё же главной причиной неудач считает пассивность исполнительных комитетов районных и сельских Советов, а также партийных организаций.

Однако главными причинами, вероятно, являлись, с одной стороны, малочисленность трудоспособных колхозников и слабая материальная база производства, а с другой стороны, - негативное отношение коренных жителей к принудительному труду и отмене товарно-денежных отношений.

Так, в 1944-1945 годах Ханты-Мансийским окружкомом партии и исполкомом окружного Совета были подобраны и спланированы места для строительства 59 новых хозяйственных центров и посёлков для колхозов. Планировалось перевести на оседлый образ жизни тысячи семей ханты и манси. Работа была проделана большая, но при этом не учитывались ни потребности и перспективы развития комплексного хозяйства, ни традиционные интересы коренных народов. В результате многие дома в посёлках оставались пустыми.

Тем не менее, не взирая на трудности и ошибки, коллективные хозяйства округа сыграли весомую роль в обеспечении фронта продовольствием и тем самым в какой-то мере смогли компенсировать утрату сельскохозяйственной базы и промыслов западных районов страны, временно оккупированных врагом.

Литература

1. Балин В.Г. Земельные отношения на Обском Севере. Новосибирск, 2000.
2. Бударин М.Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.
3. Воспоминания Борщёва Ивана Васильевича (Страницы истории Ханты-Мансийского Автономного округа 1936-1950 г.г.) Ч.II. Нижневартовск, 2000.
4. Касум-Ёх. Материалы для обоснования проекта этнической статусной территории. Шадринск, 1993.
5. Прибыльский Ю.П., Федорченко В.И. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Красноярск, 1988.

Г.Н. Петренко

Хроники Ларьякского лесхоза

Однажды Олег Евгеньевич Маханько, лесничий Ларьякского лесничества, решил навести порядок в своем конторском хозяйстве и устроил воскресник. Ну и конечно, со всей тщательностью обследовал старый сейф, в который много лет не заглядывал – нужды не было... Так появилась на свет божий стопочка старых – престарых тетрадей: одна вроде урезанной амбарной книги с промасленными страницами, на которых чернильные записи растеклись и сделали написанное почти не читаемым, другая – перевернутый школьный дневник, третья – сшитые грубыми нитками несколько листов серой бумаги. На пришитой к листам корочке – выцветшая надпись: «Книга приказов Ларьякского лесоучастка Омской области».

Потом тетрадки перекочевали в сейф директора Нижневартовского лесхоза Михаила Васильевича Полякова, а уж он разрешил мне полистать и почитать их. Вот так неожиданно забросила меня машина времени в далекие от нас годы.

Шел 1940 год, где-то далеко кипели политические страсти, где-то готовились к войне, а здесь, в далекой Сибири, создавался

новый лесхоз, о чем повествовал приказ. На основании протокола N 11 от 9 марта 1940 года Совета депутатов Омской области организован Ларьякский участок Самаровского лесничества, а Иван Михайлович «приступил к обязанностям лесничего с содержанием зарплаты 390 рублей плюс северная надбавка 30% процентов в сумме 98 рублей, а всей зарплаты 488» (в цитатах содержится орфография и пунктуация подлинников), а так же приступили к работе лесообъездчики Иван Бутаков, Семен Вихров, Михаил Шестаков, Сафрон Калугин, Яков Серебренников и Петр Куратов. Вот они и стали первыми героями истории, представленной в приказах по Ларьякскому лесхозу 60 лет назад.

Работа в лесхозе мало в чем изменилась и по сию пору: лесники должны охранять лес от пожаров, следить за чистотой вырубок, брать плату за санкционированную заготовку леса, вовремя очищать лес от валежника, заготовлять семена хвойных пород, следить за восстановлением леса.

Бывало, директор уезжает в командировку – рядом, в Савкино, так надо было несколько дней , чтобы попасть туда, а когда в Охтеурье – на лодках, на лошадях – чуть не месяц уходил...

Вот уедет директор, и все хозяйство на лесниках да объездчиках держится. Вернется, а тут непорядки, вот и рождается приказ: «За халатное отношение лесообъездчика Калугина Сафрона за несвоевременную ликвидацию пожара и растранжиривание государственных средств, за жульническую выписку билетов не установленного образца с работы снять и дело передать в прокуратуру...» Серьезные дела! А как иначе – транжирили-то государственное добро. Яков же Серебренников плохо мобилизовал лесные доходы. Сергей Вихров допустил захламленность в Лабчинских юртах, а лесообъездчик Захаров плохо ухаживал за лошадью, «оттого она стала ниже средней упитанности».

Всем провинившимся поставлено на вид.

Странным образом, на жизни Ларьякского лесхоза мало отразилась и начавшаяся в 1941 году война – в книге приказов

она никак не обозначалась, все приказы, как в мирное время, касаются регулярной жизни предприятия: служебные командировки, отпуска, установление дежурства, прием на работу, отвод лесосек для заготовки дров, кадровые перестановки. Особенно много приказов, касающихся дисциплины труда. Тут уж исполняющий долгое время, судя по приказам, обязанности лесничего Филипп Тарасов спуску не давал никому: «Бирюлеву Семену Даниловичу предлагаю с сего числа поймать лошадь Пеганку, обеспечить кормом и совместно с мастером Свидерским приступить к постройке конюшни для второй лошади».

А вот мастер Свидерский «под всевозможным предлогами дать отчет уклоняется, пользуясь моей слабостью характера делает это умышленно, в силу чего предупреждаю и вопрос перед лесничеством об увольнении из лесного хозяйства как без инициативного и не желающего честно работать».

Лесообъездчика Ткачева постигла (орфография и синтаксис подлинные) совсем уж страшная кара:

«Гражданка Парфенова уже 20 дней как заготовила дрова несколько раз просила осмотреть Ткачева место рубки, то он Ткачев со дня на день врал что осмотрит но так и не осмотрел гражданка дрова вывезла без осмотра и оформления акта 22 куба Ткачева за это уволить без оплаты выходного пособия...»

Однако же не надо думать, что в лесничестве заняты только сугубо своими разборками. Идет война где-то далеко, пусть выстрелов не слышно, но вся страна работает, напрягаясь, для фронта, для победы. И вот в марте 1943 года в тетради записывается такой приказ:

«Поможем фронту! Помните, - обращается лесничий Тарасов к своему коллективу, - каждый проданный кубометр и полученный за него рубль – это приобретенный пулемет, пушка, танк, самолет, это вы своим трудом уничтожаете фашистскую гадину!»

Кончилась война, кончилась тетрадка приказов 1940 и 1943 гг. Произошли перемены в статусе Ларьякского лесхоза: из Са-

маровского лесничества оно перешло теперь в Сургутский , поменялся и лесничий – вместо Филиппа Тарасова приказы подписывает Александр Кугаевский. Правда, в оформлении конторских книг мало изменений: та же нехватка бумаги, жидкие чернила, записи делают то карандашом, то марганцовкой (от времени она стала еле видной, блекло-желтой), да и почерк, и стиль, и грамотность почти те же, и все же время идет вперед, время – послевоенное, задачи у победившего народа другие, что и отражено в приказе N 11 от апреля 1952 года.

«... В нашей стране развернулась работа по воплощению в жизнь планов преобразования природы принятого по инициативе тов. Сталина Лесопосадки в степных и лесостепных районах требуют огромного количества семян древесных и древесно-кустарниковых пород. Огромный объем заготовок лесосеменного материала обязывает к особо четкой и бесперебойной работе по сбору и хранению семян. Но в борьбу с засухой, за преобразование природы нашей социалистической родины включились миллионы людей... (в том числе и работники лесхоза Николай Гребнев, Александр Шестаков, Петр Пономарев, Клавдия Ганькина). Они получили по 2 кг чистых семян – им всем объявляется благодарность!»

И все бы хорошо, да вот ведь – нет – нет, да и нарушит кто-то трудовую дисциплину, а то и на социалистическое добро позарится, бдительность потеряет. Вот конюх Мотовилов, например, «воспользовался моим отсутствием, пишет лесничий Кугаевский, - и все время с 29 июня использовал на своем сенокосе, а для конского поголовья лесничества не только не организовал покоса, а соизволил использовать лесников Ганькину и Прасину на своем личном покосе... Выговор ему...»

Ладно бы, один конюх Мотовилов бедокурил, а то вот еще:

«Мне и всей лесоохране (пишет в приказе лесничего Тарасов) было предложено выехать на тушение пожара, возникшего между Колек – Еганом и Юрты Кирьянина. Лесник Прасин в

приказе расписался, но напился пьяным до бессознания, а если и был в сознании, умышленно упал в воду и под видом пошел переодеться и не пришел. Считаю поступок Прасина умышленным и считаю необходимым оформить на Прасина дело за уклонение выезда на тушение лесного пожара».

У лесников и помощников лесничего в наше время у всех высшее образование. Сеть дорог позволяет контролировать территорию автотранспортом. Вертолет, конечно, дорого, но есть подрядные организации, которые предоставляют его в распоряжение лесхоза. Телефонная связь во всех лесничествах.

Лесники и лесообъездчики 40-х и 50-х сильно бы удивились тому, как ведется нынешнее лесное хозяйство: и автомобили –то есть, и народ образованный, и непонятные машины под названием компьютер в конторе стрекочут, и одеты, и обуты все по форме лесной... И говорят, и пишут все не так, нам и места-то нет среди всего этого богатства.

А мне (автору этих заметок) думается, есть для них место – оно в памяти тех, кто пришел за ними выполнять простую, но трудную мужскую работу – беречь лес. И пусть будет все механизировано и компьютеризировано, пусть будет легко и удобно жить и работать. Из далеких скромных, из архивных уже тетрадок видится мне, как выводит свой очередной приказ Ларьякский лесничий :

«...Закрепить за тов. Кувалдиным, лесообъездчиком, лошадь – мерина пегий Олеша, которую он, тов. Кувалдин, обязан обеспечить кормом, накосить сена не менее 60 центнеров первого сорта. За ценность, т. е. лошадь тов. Кувалдин несет материальную ответственность...».

Б.А. Колобова

Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского автономного округа и Нижневартовского района в предвоенные годы и в годы войны

Сибирь издавна славилась огромными рыбными богатствами. В хозяйстве народов Западной Сибири рыболовство занимало одно из важнейших мест. Многочисленные особенности ведения этой отрасли предоставлялись акваториальной и ландшафтной спецификой районов, биологическими характеристиками различных промысловых рыб, рядом историко-экономических факторов.

Промысловая ихтиофауна округа представлена полупроводниковыми видами - осётр, чир, нельма, омуль, муксун, пелядь, сиг, ряпушка, корюшка, зимующими в незаморных участках южной части Обской губы и северной части Тазовской губы, входящие на весенне-осенний период для нагула и нереста в пойменные и дельтовые системы рек; туводными видами – стерлядь, тугун, щука, язь, елец, плотва, карась, окунь, налим, хариус и другие, биоцикл которых протекает в реках, соровой системе рек, озерах.

Промысел туводных видов проходил посредством малых неводов длиной до 100 метров, в глубинно-таежных районах (на Вахе) известен подледный неводный лов небольшой снастью длиной до 30 метров у хантов Ваха, сетевой промысел производился весной до вскрытия рек во время хода стерляди, затем после спада воды до ледостава (с августа по ноябрь).

В летнем рыболовстве было занято главным образом мужское население, в зимнем запорном – в значительной степени подростки и женщины. Продукция промыслов потреблялась в основном натурально.

Большую роль в развитии рыболовства сыграло объединение рыбаков в кооперативные товарищества. Всероссийский

кооперативно-промысловый союз рыбаков, созданный в 1923 г. провёл работу по организации крупных рыболовецких артелей на Крайнем Севере.

Огромное значение в развитии рыбной промышленности сыграло постановление СНК СССР «О пятилетнем плане рыбной промышленности СССР» (июль 1930г.). В нём было указано, что «возрастающая роль рыбных продуктов в продовольственном снабжении населения страны ставит рыбную проблему по её значению в питании наряду с зерновой и мясной проблемой». Исходя из этого Наркомату внешней и внутренней торговли СССР было предложено ускорить проведение технической реконструкции рыбной промышленности. (3: 12).

Общее представление о роли рыболовства в экономике района дают цифры годовой добычи рыбы и количество рыболовецких артелей в одном из сельских советов (Нижневартовский ГА Ф. 5, Оп. 1, ед. хр. 4, Л.1. Подлинник).

Выполнение рыбозаготовок за 1932 год по Охтеурскому сельскому совету

Название	Кон-циф. 1932	Выпол-нено за 1932 в центне-рах	%	свежая	Соленая	сухая
Охтеурская артель	241	268,67	111,05	268,67	2,02	-
М Лабозегонская арт.	160	67,86	42,41	53,52	10,03	
Никулкино	297	120,96	48,97	101,8	19,16	
Б Лабозегонская арт.	247	120,96	48,97	103,57	12,16	-
Епифановская артель	220	114,57	52,07	113,73	0,84	-
Лапчинская артель	481	411,75	85,6	404,76	4,62	-
Усть-Колик-Ёг. артель	195	163,01	83,6	159,18	2,61	
Единоличники	497	270,85	54,5	188,47	57,61	-
		1553,43	68%			

Эти данные свидетельствуют, что, несмотря на трудности восстановительного периода, начался подъём рыбных промыслов. Изменилась структура переработки рыбы. Увеличилась её доля, идущая на производство наиболее ценных в пищевом отношении продуктов – свежемороженой рыбы, копчёностей, консервов; снижалась доля менее ценной соленой рыбы.

В годы первых пятилеток произошли значительные сдвиги в рыбной промышленности Сибири. Окрепла материально-техническая база отрасли, введены в действие консервные заводы, рыболовецкую кооперацию сменили рыболовецкие колхозы.

Развитие промыслово-технической базы рыбного хозяйства, строительство консервных предприятий, рыбозаводов повлекло за собой формирование постоянных квалифицированных кадров.

В 1933 г. окружные курсы в Остяко-Вогульске (ныне Ханты-Мансийск) окончили 347 бригадиров и звеньевых рыбного лова, в их числе 103 ханты и манси. ((3:14).

Вот о чём свидетельствуют выдержки из документов Нижневартовского ГА

Ф. 8, оп.1, д. 17 и Ф.8,оп. 1, ед.9, с.1. (Подлинник)

ОТЧЕТ
о ходе коллективизации по Корликовскому территориальному совету Ларьякского района

	1кв. 1935 г.	4 кв. 1935 г.
1. Число колхозов по территориальному совету	3	5
2. Число крестьянских хозяйств, не входящих в колхоз	66	18
3. В колхозах состоит дворов	39	22
- в них трудоспособных (человек)	169	188

Согласно протокола № 1 Пленума Корликовского нац./совета Ларьякского района Остяко-Вогульского округа

Омской области от 7 сентября 1936 г. одобрена информация уполномоченного РИКа Крюкова о рыбозаготовках и о выполнении годового плана артели «Окунь» - 9 тонн рыбы.

Пленум постановил направить на районный съезд рыбаков от рыбаков – стахановцев Прасина Дмитрия Николаевича, который выполнил план на 814 кг вместо 250 кг, Пыгатова Семёна Федоровича, который ежегодно перевыполняет план в своей бригаде.

Сдвиги в размещении рыбной промышленности, осуществленные за предвоенные пятилетки, помогли в разрешении продовольственной проблемы в годы Великой Отечественной войны.

Неоценим тот вклад, который внесли сибиряки в общенародную победу над врагом, вклад в обеспечение фронта и тыла продовольствием. Большая роль в снабжении армии и населения продуктами питания отводилась рыбной промышленности.

6 января 1942 г. было опубликовано постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке», представляющее долгосрочную и комплексную программу развития рыбного хозяйства этих регионов. Рыбная промышленность Сибири была создана на Иртыше и Оби в годы военных пятилеток. Рыбные промыслы и предприятия предстояло создавать в отдаленных и труднодоступных районах Крайнего Севера, которые не имели индустриальной базы, квалифицированных кадров и достаточных трудовых ресурсов. К ним относился и Ханты-Мансийский национальный округ. В то же время рыболовство составляло традиционную отрасль промыслового хозяйства местного населения, служило важным источником средств существования, личных и общественных доходов колхозников.

Высокий патриотизм проявили комсомольцы и пионеры Обского Севера, труженики которого были призваны внести решающий вклад в обеспечение фронта рыбой. Участие молодёжи в рыбных промыслах обсудил летом 1942 г. пленум Ом-

ского обкома комсомола. По его решению комсомольские организации Тобольского, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого округов приступили к созданию комсомольско-молодёжных бригад и звеньев, члены которых в свободное от основной работы время ловили рыбу в фонд Верховного Главнокомандования.

Участие молодёжи в рыбных промыслах обеспечила Ханты-Мансийская окружная комсомольская организация. Движение комсомольско-молодёжных рыболовецких бригад возглавили активисты таёжного Ларьякского района во главе с первым секретарём комсомола Галиной Хомутовой. Свыше 2 тыс. юношей и девушек округа взяли обязательство: без отрыва от производства каждому выловить и сдать в Фонд обороны не менее 250 кг рыбы. Накануне путины 1943 г. состоялись массовые рейды по выявлению и сбору дефицитных материалов и сырья. Их участники делали подворные обходы, собирали для изготовления снастей и такелажа канаты, верёвки, кружева, нитки, связали более 2000 сетей, заготовили 45 центнеров гвоздей, 170 кг пакли, построили 726 лодок. (3:47).

В 1943 г. на основании полученных данных и заявок промышленности был составлен и принят единый трёхлетний план научно-промысловых работ в Сибири. Направления исследований были дифференцированы с учетом конкретных условий каждого промыслового района. Так, исследователям, работающим в Обь-Иртышском бассейне, ставились задачи: изучить и подготовить для хозяйственного использования водоёмы Сургутского, Ларьякского и Кондинского районов.

Большую роль в восстановлении ранее заброшенных и освоении новых рыбных угодий сыграли моторно-рыболовные станции и колхозы Ханты-Мансийского округа.

Промысловики округа освоили и вернули в строй 2300 угодий, в 2 раза расширили сырьевую базу.

Эффективной формой привлечения колхозников на рыбные промыслы являлась организация рыболовецких бригад в

сельскохозяйственных артелях, имеющих рыбохозяйственные водоёмы.

В результате организации рыболовецких колхозов и бригад непрерывно росла численность колхозников-рыбаков, они являлись решающей силой на рыбодобыче. В 1943 г. их удельный вес среди всех рыбаков составлял (в процентах) по Ханты-Мансийскому тресту –81,1.

К концу войны участие в период путины в промыслах стало делом поистине всенародным. На предприятиях и рыболовецких колхозах было занято три четверти взрослого трудоспособного населения, дети, подростки и престарелые. Они отчётливо сознавали свой гражданский долг и стремились в тяжелейших условиях выполнить его честно и добросовестно.

В результате мобилизации и добровольного набора резко возросла численность работников рыбной промышленности. Это была единственная отрасль пищевой индустрии края, где происходил в годы войны интенсивный рост численности работников. В этом отношении рыбная промышленность стояла в одном ряду с такими важными отраслями экономики Сибири, как химия, металлообработка, машиностроение.

Партийные комитеты воспитывали хозяйственные кадры из представителей коренного населения национальных районов Сибири. В Ханты-Мансийском округе за время войны командирами производства стали 128 ханты и манси (3 : 55).

Таким образом, труженики рыбного хозяйства округа и района с честью выдержали суровый экзамен войны, внесли посильный вклад в победу над фашизмом. Успехи рыбаков округа в годы Великой Отечественной войны свидетельствуют о больших возможностях в развитии промышленного рыболовства и производстве рыбной продукции в крае на современном этапе.

Литература

1. Головнев А.В. Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1993. – 204 с.

2. Очерки истории Тюменской области. 50 лет Тюменской области. - Тюмень, 1994.
3. Прибыльский Ю.П., Федорченко В.И. Рыбное хозяйство Сибири в годы Великой Отечественной войны. – Красноярск: Изд-во Краснояр. Ун-та, 1988. – 160 с.
4. Прибыльский Ю.П. Советский Север в годы Великой Отечественной Войны (1941-1945 г.г.). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1986, -280 с.
5. НГА. Ф. 5. Оп. 1. Д. Л. 1
6. НГА. Ф. 8. Оп. 1. Д.17. Л.
7. НГА. Ф. 8. Оп. 1. Д. Л. 3,12,13.
8. Народное хозяйство Тюменской области за 50 лет советской власти.- Статистический сборник. Изд.-во «Статистика». – Омск, 1967.

Л.Д. Кашина

К истории летоисчисления «молодых» сибирских городов

Любовь к Родине всегда конкретна. Это любовь к своему родному дому, селу, городу, краю. А для того чтобы по-настоящему любить свой край, нужно хорошо его знать. Наверное, от любви к нему, в 1914 г. в России появился термин «краеведение».

Мегион, как считается, один из молодых городов Сибири. В 2002 г. отмечали его 22-летие. Но город возник не на пустом месте. У него достойная история, уходящая корнями в далёкое прошлое.

В фондах Тобольского государственного архива хранится дело 1781 г. (фонд И – 156, оп.3, д. 2301), в котором в числе Лекрысовых и Ермаковых упоминаются юрты Магионские в составе Тобольской губернии.

Финн Александр Матиас Кастрен в материалах экспедиции 1842 – 1848 г.г. также оставил сведения о Майонских (Магионских) юртах.

По Духовной росписи Ваховского прихода 1861 г. (фонд И – 493, оп. 1, д. в Магионских ясачных юртах проживало 47 че-

ловек, в том числе 22 человека мужского пола, 25 человек женского пола.

Юрты остяцкие Майонские при р. Оби с двумя дворами и населением 14 человек значатся в «Списке населенных мест по сведениям 1868 – 1869 г.г.». Не обошёл своим вниманием Майонские юрты и известный исследователь А.А. Дунин-Горкавич в книге «Тобольский Север» (1911 г.), который писал, что у Майонских юрт стояли «чащевые кедровники», на которых чистили орех.

В конце 1932 г. юрты Мегион были объединены в рыболовную артель, затем образован колхоз им. Стаханова (д. Мегион), в 1961 г. деревня преобразована в село Мегион, в 1964 г. Мегиону присвоен статус рабочего поселка, который 23 июля 1980 г. был преобразован в город. Так сколько же лет Мегиону?

Общепринято вести летоисчисление населённого пункта, в том числе и города, с момента его основания или первого упоминания. Ещё в 1926 г. известный педагог М.Н. Покровский, выступая против антиисторизма в школьном краеведении, писал, что в школе, изучая предприятие, село, интересуются только современностью, а прошлое, историю их возникновения и развития не изучают, так как якобы «все это было и быльем поросло». Следовательно, при изучении населенного пункта необходимо придерживаться исторического подхода, т.е. рассматривать его в развитии, чтобы все видели, что Мегион не всегда был таким, как сейчас, и не всегда таким останется.

По мнению главного архитектора г. Мегиона Н.Г.Бойко, Мегионские юрты 1781 г. нельзя считать поселением как таковым, поскольку их постоянное месторасположение вызывает сомнение.

Однако этнографы по этому вопросу придерживаются другой точки зрения. Обратимся к топонимике – исторической науке, изучающей происхождение, содержание и развитие географических названий. Географические названия чаще всего топографически обусловлены. В пользу постоянства месторасполо-

жения Мегионского стойбища говорит его древнее название, связанное с рекой Мегой. «Пыгор-Тя-Мыг-Онг-пугол» («Поселение, лежащее в устье протоки, огибающей материк»). Постоянство месторасположения Мегиона подтверждает и другой факт. Среднеобские остяки не являлись кочевниками, так как не занимались выпасом оленьих стад. Они имели постоянное зимнее стойбище, которое никуда не переносилось.

Пробуждению ответственности за историзм служит вводимый в образовательный процесс так называемый региональный компонент. В учебные планы включаются уроки краеведения. С гордостью учителя г. Ханты-Мансийска говорят об истории своего города, которому в 1997 г. отмечали 360-летие. Столица округа ведет своё летописание с упоминания в 1637 г. Самаровского яма, когда остяцкие юрты князя Самара были заселены русскими. Тогда там числилось около 50 ямщиков.

В 1923 – 1930 гг. Тобольский Север был включен в состав Уральской области, а 10 декабря 1930 г. образовано два округа – Ямало-Ненецкий и Остяко-Вогульский. Административным центром было определено с. Самарово. Однако в силу географических причин было принято решение об устройстве неподалеку новой столицы округа. В июле 1930 г. специальная комиссия рекомендовала как наиболее удобное место для строительства окружного центра участок земли в урочище Большой Черемушник, неподалеку от Самарово. Был составлен генплан застройки и определено название столицы – Остяко-Вогульск (ныне Ханты-Мансийск).

Всё познается в сравнении. Так почему же наш город, имея свою собственную историю, отмечает только 22-летие?

Очевидно, речь идет о правомерности летоисчисления населенного пункта, именуемого городом от юрт. Однако следует иметь в виду, что зарождение городов происходит на основе различных типов поселений. У хантов известны два вида поселений: «городок» («горт», «ват», «вош») и «юрт» («пугол», «вош-пай»). Исследователи по-разному оценивали их роль и

функции. Одни считали городки крупными территориально-родовыми общинами или центром родоплеменных объединений (С.В. Бахрушин, А.И. Пика), другие акцентировали внимание на оборонительной функции городков (Г.Ф. Миллер).

Следует заметить, что в XV – XVII вв. в Северном Приобье укрепленных городков было довольно много: в Сургутском уезде – 8, а в Тобольском округе – 60. Однако до конца XIX в. в официальных документах хантыйские поселения зачастую продолжали именовать «городками», хотя они никакого отношения к укрепленному типу поселений не имели. Поэтому грань между «городком» и «юртом» в XVIII – XIX в.в. была условной, по структуре и характеру оба типа поселений не отличались друг от друга.

Основное требование науки: рассматривать любое явление или событие в развитии. Не является исключением и геоурбанистика, один из разделов которой посвящен историческим этапам развития городов. Фундаментальное понятие геоурбанистики – экономико-географическое положение. Это многокомпонентное понятие, одна из составляющих которого – историзм. Экономико – географическое положение изменяется во времени: лишь в определенный период под влиянием сочетаний различных экономических, политических и природных факторов возникают предпосылки, определяющие его воздействие в данной географической и вызывающее в ней рост города.

Для Мегиона хантыйские юрты как раз и являются такой же отправной точкой, как славянские городища и поселения для Киева, Любеча, Суздаля.

Так сколько же лет Мегиону?

М.А. Авимская

Из истории строительства железной дороги Сургут – Уренгой

Для транспортного обслуживания нефтегазодобывающих районов Тюменской области была необходима единая транс-

портная сеть. Ее основу составляла новая железная дорога Тюмень – Сургут, построенная в 1975г.

С открытием Холмогорского нефтяного и Уренгойского газового месторождений транспортная география Западной Сибири стала меняться.

Три изыскательские, две геологические партии и специальный отряд гидрологов Новосибирского проектно - изыскательного института «Сибгипротранса» летом 1975г. обследовали район прохождения новой железнодорожной линии Сургут – Уренгой.

За короткое сибирское лето изыскательским партиям А.Ф. Деева и М.В. Марченко и инженерно-геологическим партиям Г.С. Бутовского и Л.Л. Титова предстояло выбрать не только оптимальное направление трассы, но и проложить ее, выполнив полный комплекс работ, необходимый для составления рабочих чертежей.

В этом обводненном районе не велись постоянные гидрологические наблюдения, и поэтому всем партиям пришлось выполнить значительный объем полевых работ, чтобы установить самый большой уровень воды в паводки.

Несмотря на сложные условия, все партии своевременно справились с заданием. Уже в ноябре 1975 г. были выданы необходимые материалы для оформления полосы отвода земель и рабочие чертежи земляного полотна.

Генеральным проектировщиком железной дороги Сургут – Уренгой, так же как и линий Тюмень – Сургут и Сургут – Нижневартовск, являлся институт «Сибгипротранс». К этому времени им был накоплен богатый опыт технического усовершенствования дорог, эксплуатации искусственных сооружений (свайно – эстакадных мостов и др.) в суровых климатических и сложных инженерно – геологических условиях.

В феврале 1976 г. Тюменский обком КПСС на заседании бюро постановил: «...развернуть работы по строительству участка дороги Сургут – Холмогорское (ст. Ноябрьская), осущест-

вить мероприятия по быстрой передислокации в этот район строительных подразделений, концентрации на нем необходимых трудовых и материальных ресурсов.»

На трассу передислоцировались строительно – монтажные поезда управления «Тюменьстройпуть», подразделения трестов «Уралстроймеханизация», «Мостострой № 11», войсковая часть, строительное управление № 489 и другие организации. В сжатые сроки были проведены необходимые подготовительные работы.

Большие трудности в ходе строительства магистрали возникали из-за отсутствия местных строительных материалов: камня, песка, гравия, дерна. Отсутствие даже сезонного водного транспорта существенно осложняло организацию работ. Поэтому строительство в этих условиях было немыслимо без прокладки зимников и устройства вертолетных площадок. Подготовительные работы на магистрали начались в первом квартале 1976 г., когда трассы фактически еще не было.

Тюменский обком КПСС предложил «Главтюменьнефтегазу», «Главтюменьгеологии», «Главтюменьнефтегазстрою», «Главсибтрубопроводстрою», объеденениям «Тюменьгазпром» и «Тюменьлеспром», управлению гражданской авиации рассмотреть с управлением «Тюменьстройпуть» совместные мероприятия по производству работ в районах прохождения трассы железной дороги Сургут – Уренгой. Имелась в виду совместная организация перевалочных баз снабжения и горюче – смазочных материалов, строительство временных автомобильных дорог, сооружение взлетно – посадочных полос для приема транспортных самолетов и вертолетных площадок и другие мероприятия. Так как трасса к 1976 г. была запроектирована только по картам, зимники, к примеру, прокладывали, придерживаясь общего направления трассы, но с выбором открытых мест, что бы избежать излишней валки и уборки леса. Технический проект железной дороги окончательно утвердили лишь в феврале 1979 г., но не были определены места и планировка постоянных поселков.

Генпланы временных поселков намечали и привязывали сами строители. В результате этого, например, поселок строителей на станции Тарко – Сале оказался на расстоянии 3 км. от будущего постоянного поселка железнодорожников.

Выполняя постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР « О развитии нефтяной и газовой промышленности в Западной Сибири в 1977-1980гг.», где было предусмотрено открытие рабочего движения новой линии в первом полугодии 1980 г., транспортный отдел Тюменского обкома партии наметил для управления «Тюменьстройпути» и субподрядных организаций большой объем работ.

К лету 1977 г.(за один год и три месяца с начала строительства дороги) было освоено 29 миллионов рублей капитальных вложений, произведена вырубка просеки на 202 км., отсыпано в земляное полотно 4,1 миллиона кубометров грунта, построено 148 км. притрассовой автомобильной дороги, уложено 11 км. верхнего строения пути.

После пересечения Сибирских Увалов (200-й км.) линия вступала в зону распространения вечной мерзлоты. Строительство железной дороги в этих условиях потребовало выполнения больших объемов земляных работ – около 90 тыс. кубометров на 1 км. линии. Такой высокий показатель для равнинного рельефа объясняется наличием дополнительных работ (строительство притрассовой автомобильной дороги, подсыпка грунтов для постоянных поселков на станциях, гидронамыв строительных площадок, сооружение причалов на реках и др.).

Приказ МПС «О мерах по обеспечению выполнения плана 1979 года по строительству ж/д линии Сургут - Уренгой» предусматривал закончить укладку главного пути до 480 км. и выполнить строительно – монтажных работ в объеме 73 млн. 500 тыс. рублей.

Но к осени 1979 г. на сооружении железной дороги Сургут – Уренгой создалось напряженное положение. Укладка верхнего строения пути сдерживалась из-за отсутствия шпал, рельсов,

скреплений и других материалов и конструкций. Например, для выполнения годового плана по сооружению железнодорожного полотна до 478 км. управлению «Тюменьстройпуть» не хватало 120 тыс. шпал.

Таким образом, имеющиеся материально – технические ресурсы транспортных строителей были недостаточны для выполнения работ, необходимых для завершения укладки пути в первом полугодии 1980 г.

Тюменский обком партии был крайне обеспокоен сложившейся ситуацией и на заседании бюро в ноябре 1979 года принимает ряд постановлений: «...разработать совместно с МПС мероприятия, обеспечивающие открытие рабочего движения на ж/д Сургут – Уренгой, ... изыскать внутренние резервы ускорения строительства, шире развернуть социалистическое соревнование в коллективах,...окружкомам, горкомам, райкомам партии усилить контроль за работой коллективов, занятых на сооружении дороги».

При тщательном изучении данного вопроса транспортным и строительным отделом обкома партии выяснилось, что имела место недостаточная согласованность в действиях Тюменского, Сургутского отделений дороги и отделения временной эксплуатации. Были выявлены серьезные недостатки в эксплуатационной деятельности, использовании мощностей, а так же срывы заданий по выгрузке вагонов. Эти и другие причины создавали дополнительные трудности в транспортном обеспечении промышленных предприятий и строительных организаций.

Тюменский обком КПСС обязал руководителей предприятий и организаций, занятых на строительстве железной дороги Сургут – Уренгой, ежеквартально информировать обком партии о состоянии дел.

Учитывая оставшийся объем работ и важность открытия рабочего движения поездов до Уренгоя, нефтяникам, газовикам, геологам, строителям «Миннефтегазстроя» рекомендовалось оказывать практическую помощь транспортным строителям.

Ямало – Ненецкому окружкому, Пуровскому райкому КПСС указывалось практиковать проведение совместных кустовых партийных собраний строителей, участвующих в сооружении магистрали, и направить все усилия коллективов на выполнение поставленных задач.

Однако, несмотря на принятые обкомом партии меры, железная дорога Сургут – Уренгой была введена в эксплуатацию намного позже и поэтапно: в 1983 г. участок Сургут – Холмогорское месторождение (201 км.), а в 1984 г. участок Холмогоры – Уренгой (183 км.).

Н.Н. Троценко

Историки 1960-1970-х годов о начале создания кооперативов на Обь-Иртышском Севере

После окончания гражданской войны в 1921 г., введения НЭП и образования СССР в 1922 г. у малых народностей Севера, по утверждению М.Е. Бударина и Л.Е. Киселева, началась новая жизнь. Среди проблем социалистических преобразований в 20-х гг. XX в. на Севере, исследователей в значительной мере привлек вопрос об экономическом развитии северного региона. Дискуссия по нему нашла свое отражение в литературе 1960-1970-х годов, став одной из первых попыток анализа экономического развития региона. О дореволюционном периоде историки говорили как об ущербном времени, так как «...малые народности Севера испытывали на себе лишь водку купца, крест миссионера, нагайку исправника» [1]. М.Е. Бударин подчеркивал, что царский режим не создавал никаких предпосылок для ликвидации хозяйственной отсталости у народов Сибири [2], а Л.Е. Киселев отмечал, что именно советская власть стала главным экономическим условием для преодоления былой отсталости народов Севера» [3]. Причем, руководящую и решающую роль, по их мнению, в изменении жизни коренных народов сыграла КПСС,

творчески применившая учение Ленина при проведении экономических преобразований в районах Крайнего Севера.

X съезде РКП (б), намечая программу помощи отсталым народам страны, поставил задачу помочь им развить и укрепить советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям [4] и преодолеть фактическое неравенство в экономической и культурной областях на Севере [5]. Для ее осуществления решили создать опытно-экономический район. Вследствие своих экономических особенностей таким районом была избран Урал. В 1923 г. была сформирована Уральская область, разделенная в экономическом отношении условно на четыре зоны: Предуралье, Горнозаводской Урал, Зауралье и Тобольский Север [6]. Дальнейшее экономическое развитие Обского Севера неразрывно связано с пребыванием в составе Уральской области. Одновременно национальное строительство, которое там происходило, выразилось в целой системе мероприятий советской власти по развитию и укреплению хозяйства у коренных народностей по реконструкции оленеводства, рыболовства и охотничьего промысла. В книге М.Е. Бударина [7] указывалось, что важным средством перестройки быта и хозяйства народностей Севера стала торгово-кооперативная политика, благодаря которой повысилась доходность хозяйств через закупку у них рыбы, сала, орехов, ягод, пушнины и т. п.

Подобная точка зрения прослеживается и в работах других историков 1960-1970-х гг. Например, в монографии В.А. Зибарева «Советское строительство у малых народностей Севера» указывается на то, что в 1920-е годы XX в. в местах обитания малых народностей появились государственные кооперативные торговые заведения. Впервые для северян торговля перестала быть средством эксплуатации, велась без обмана, спаивания и долговой кабалы [8]. А.Б. Бакланова – советский экономист, пришла к выводу, что советское правительство рассматривало кооперацию как всеобъемлющую переходную форму, благодаря которой было завоевано доверие трудящихся, а затем постепен-

но с северных окраин была вытеснена основная часть купцов, их агентов, пресечена вековая эксплуатация ими населения и расхищение природных ресурсов Севера [9]. Л.Е. Киселев констатирует факт, что «кооперация выделяла кредиты для покупки оленей, создавала мастерские по обработке мехов и рыбы; и только для обских народностей ханты, манси, ненцев в 1928 г. было предоставлено кредитов на 400 000 рублей» [10]. Таким образом выводы советских исследователей были однозначны: кооперация явилась переходной формой от несправедливой хозяйственной системы к социалистической, без эксплуатации.

В 1924-1925 годах с развертыванием деятельности «Северосоюза» на Крайнем Севере в различных формах началось вовлечение промыслового населения в первоначальное кооперирование. Уральский обком ВКП (б) и Тобольский окружком партии ВКП (б) предложили объединить все торгово - заготовительные операции в руках Северсоюза и Госторга. Светрывание деятельности частников, потребовало налаживания плановой хозяйственной жизни Севера. Однако, советские историки старались подчеркнуть не возникшие проблемы в снабжении Севера и по сути разразившийся экономический кризис, а, то, что в 1925-1926 гг. был впервые составлен план снабжения Тобольского Севера, предусматривавший завоз различных товаров. Улучшению экономического положения, по их мнению, способствовала и налоговая политика государства, благодаря которой кооперация была освобождена от налогов и пользовалась широким товарным кредитом [11].

Проблемы в работе кооперации, заставили руководство страны начать ее реформу, о чем опять таки не упоминали исследователи, а представили реорганизацию кооперации как очередное достижение советской власти на Севере. «В июне 1927 г. отраслевая кооперация в северных районах была реорганизована в интегральную (смешанную) кооперацию, совмещавшую снабженческо - сбытовые и кредитные функции и касалась всех отраслей северного хозяйства. Осознав их экономическую выго-

ду в условиях территориальной разбросанности и изолированности мест расселения северян, плохих путей сообщения, относительной редкости торговой сети и острой нехватки кадров организаторов, знакомых с бытом и национально – экономическими особенностями коренного населения, в июне 1928 г. президиум ВЦИК и СНК РСФСР утвердил положение об интегральных союзах» [12]. Всего на Обском Севере было образовано во главе с Тобольским Интегралсоюзом 14 интегральных кооперативов с 21 отделением, объединяющих 3554 человека из народов Севера [13]. Изучив и проанализировав имеющиеся в их распоряжении факты, историки 1960-1970-х годов пришли к выводу, что с середины 1920-х годов на Обь-Иртышском Севере были заложены основы кооперативного движения, в котором представители северных народов приняли активное участие.

Примечания

1. Киселев Л.Е. От патриархальщины к социализму. Свердловск, 1974. С. 8.
2. Бударин М.Е. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968. С. 12.
3. Киселев Л.Е. Указ. соч. С. 16.
4. КПСС в резолюциях и решениях. Изд. 7-ое. 1953. Ч. 1. С. 559.
5. Киселев Л.Е. Указ. соч. С. 88.
6. Алексеева Л.В. Административно-хозяйственное управление в северных районах Уральской области (1923-1934 гг.) // Бартеневские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Липецк, 2000. С. 235.
7. Бударин М.Е. Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952. С. 130, 132.
8. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера. Томск, 1968. С. 67, 68, 70
9. Баклапова А.Б. Интеграция кооперации как переходная форма социального строительства на Крайнем Севере // Социально-экономические особенности комплексного освоения районов севера Тюменской области. Науч. тр. Тюмень, 1977. Т. 52. С. 10.
10. Киселев Л.Е. Указ. соч. С. 100.
11. Зибарев В.А. Указ. соч. С. 76.
12. Там же. С. 70.

13. Мазуренко Г.А. Торжество национальной политики Коммунистической партии на Обском Севере. Тюмень, 1961. С. 27, 28.

С.Л. Бабушкина

Участие студентов стройотрядов в обустройстве нефтяных месторождений Западной Сибири (1960 – 1970 гг.)

Открытие Западно - Сибирской нефтегазоносной провинции было оценено в зарубежной прессе как «открытие века». «Советам повезло», - писала одна из западных газет тех лет. «Советам не взять богатства Оби в нынешнем столетии», - заявляли другие, вероятно неплохо осведомленные о трудностях освоения сибирской нефтяной целины.

Немногие сейчас могут представить те невероятные трудности, с которыми в первые годы начала освоения нефтяных месторождений в Западной Сибири встретились нефтяники, буровики, строители. Довольно суровый климат, полное бездорожье, очень короткая навигация, отсутствие жилья и бытовой инфрастуктуры. И конечно, очень трудно было работать первым строительным подразделениям на Севере Тюменской области.

Одной из особенностей трудовых коллективов нефтяников, которые формировались в тяжелой социально-экономической обстановке (практически на голом месте), явилась их необычайная стабильность. Труднее было строителям, поскольку всё начиналось с возведения тех или иных строительных объектов, а специалистов не хватало.

Большую роль в освоении природных богатств Тюменской области, строительстве городов и рабочих поселков, промышленных, транспортных объектов сыграла молодежь. Летом тысячи юношей и девушек – студенты учебных заведений Тюмени, многих городов Украины и других республик бывшего СССР приезжали на стройки Тюменской области, в т.ч. м на её Север. Начиная с 1965 года бойцами студенческих строительных отря-

дов выполнено более чем на 1 млрд.руб. строительно-монтажных работ[1].

Важность и необходимость студенческих строительных отрядов была обусловлена целым рядом моментов. Принятые высокие темпы развития нефтедобывающей и газовой промышленности требовали значительного увеличения числа работающих в этих отраслях и как следствие, затрат на собственное обустройство. Студенческие отряды, приезжая на 2- 3 месяца не требовали для себя стационарного жилья и особых удобств. Все то, что они строили, до последнего квадратного метра доставалось жителям северных городов и поселков. Небольшой рост численности строительных организаций для выполнения повышенного обьема работ требовал значительного увеличения годовых запасов продовольствия, в которых студенческие строительные отряды нуждались только летом, когда наличие водного транспорта позволяло доставить их. Объёмы освоения, выработка норм производства на одного бойца отряда оставались высокими, четкая организация труда, слаженная дисциплина и их самоотверженность были значительно выше тех, которые планировались строительными подразделениями. «Студенты работали по три смены, были неутомимыми в стремлении выйти победителями в социалистическом соревновании, затеянном ими между ССО и комсомольско-молодежными коллективами местных строительных организаций. Так, в 1966 году за один трудовой семестр была построена школа на 536 мест львовскими студентами в Сургуте»[2]. Учитывая тот факт, что затраты на обустройство людей в районах Севера составляли довольно большую цифру [в Среднем Приобье – около 20 тыс.руб. на одного человека - см. С.Т.Будьков. Тюменский меридиан: ресурсы, проблемы, перспективы. Свердловск, 1982. С.20], то становится понятной эффективность участия студенческих отрядов в обустройстве северных районов.

Годы восьмой пятилетки (1966 – 1970 гг.) ознаменовались для ССО важнейшим событием – было принято постановление

ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению организации и повышению эффективности летних работ студентов». Новым шагом в совершенствовании работы отрядов на Тюменском Севере стали годы девятой пятилетки. За это время увеличилась их численность, расширилась дислокация. Людьми, которых ждали и на помощь которых рассчитывали, были львовяне в Сургуте, киевляне в Нижневартовске, донецкие студенты в Нефтеюганске.

Начало освоения нефтегазовых месторождений Тюмени сопровождалось проблемами в организации культурно-массовой, физкультурной работы, нравственном воспитании молодежи и студенческие отряды в этом плане оказывали неоценимую помощь, являясь не только организаторами мероприятий, но и примером отношения к своим обязанностям.

Только летом 1969 г. лекторскими группами отрядов было прочитано лекций, проведено бесед, чтений более 2500; 61 студенческая агиткультбригада 750 раз говорила со сцены «Добрый вечер, дорогие друзья»[3]. Такие формы работы как создание бюро добрых услуг, медпунктов «Спасибо», консультационных пунктов «Абитуриент» получали добрые отзывы.

Значимость, ценность студенческого движения состояла в том, что для всех бойцов участие в отрядах являлось подлинной школой жизни. В 1966 году во главе студенческого отряда Харьковского университета прибыл в Урай молодой инженер-строитель Анатолий Мандриченко. Зарекомендовав себя умелым организатором, грамотным специалистом, вскоре возглавил специальное молодежное управление, построившее на новом месте поселок Светлый. В основу нового управления легли традиции студенческих строительных отрядов. «Только молодежь, не обремененная семьей, домом, с характерной для неё неприхотливостью к временным бытовым неурядицам способна была успешно сыграть роль пионеров в освоении Севера»[4], вспоминал затем Анатолий Мандриченко.

Таким образом, на протяжении нескольких десятков лет государственные ведомства, по существу, использовали патриотизм и энтузиазм советской молодёжи[5] для решения глобальной экономической задачи – освоение нефтяного края.

Примечания

1 Нефтяная эпопея Западной Сибири. М.1995. С.144
2 Карнюшкин В. Комсомол – шеф Западной Сибири. Молодая гвардия. М.1981. С.138
3 Нефтяная эпопея ... С. 145
4 Карнюшкин В. Комсомол ... С.139
5 Долголюк А.А. Проблемы формирования трудовых коллективов в осваиваемых районах Сибири. //Актуальные проблемы истории советской Сибири Новосибирск. 1990. С.255

Таким образом, на протяжении нескольких десятков лет государственные ведомства, по существу, использовали патриотизм и энтузиазм советской молодёжи[5] для решения глобальной экономической задачи – освоение нефтяного края.

Примечания

1 Нефтяная эпопея Западной Сибири. М.1995. С.144
2 Карнюшкин В. Комсомол – шеф Западной Сибири. Молодая гвардия. М.1981. С.138
3 Нефтяная эпопея ... С. 145
4 Карнюшкин В. Комсомол ... С.139
5 Долголюк А.А. Проблемы формирования трудовых коллективов в осваиваемых районах Сибири. //Актуальные проблемы истории советской Сибири Новосибирск. 1990. С.255

ЧАСТЬ II.
КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ.

М.И. Ташлыкова

Деятельность передвижных культурно-просветительных учреждений Тюменского Севера в 1960-е гг.

Работой с рыболовецкими, оленеводческими, охотничьими бригадами и кочующим населением в национальных округах Тюменского Севера со времени их образования занимались красные чумы, представлявшие собой передвижные учреждения культуры клубного типа, в штат которых входили заведующий чумом, учитель-библиотекарь, киномеханик и медицинский работник. В 1965 г. в Ханты-Мансийском округе их насчитывалось 9, в Ямало-Ненецком округе - 16. Этого количества было явно недостаточно для полного охвата всего коренного населения округов. В частности в условиях заполярной тундры, где оленеводческие бригады находились друг от друга на расстоянии от 5 до 15 км и не задерживались на одном месте более 2-3 дней, многие оленеводы красными чумами вообще не обслуживались. Например, в Красноселькупском районе на 2 оленеводческих совхоза с 11 бригадами не было ни одного передвижного учреждения культуры. Такое же положение сложилось и на Ямальской сельскохозяйственной опытной станции, в Пуйковском рыбзаводе Ямальского района.

Материально-техническое обеспечение красных чумов находилось на катастрофически низком уровне. Из-за отсутствия хороших железных печей в них было дымно и грязно. Прогнившие от длительной эксплуатации нюги (шкуры, которыми покрывали чум), плохо удерживали ветер, отсутствовало нормальное освещение. Зачастую подобный очаг культуры был хуже жилища оленевода.

Недостаточным для нормальной работы было количество оленей, нарт, переправочных средств. В тундре для перевозки красных чумов требовалось не менее 25-30 нарт и стадо оленей в количестве 150-200 голов оленей. Однако лишь немногие из них имели по 50-70 голов, пользуясь в основном помощью совхозов, что вызывало определенное недовольство оленеводов. В результате работники красных чумов часто вынуждены были оставлять в тундре на летний период все громоздкие вещи: печи, бочки с бензином, часть банок с кинофильмами, а иногда и сами киноустановки. Во многих случаях они значительно отставали от оленеводческих бригад. В 1966 г. в период зимнего каслания (январь - апрель) красные чумы Ямальского района выехали в тундру в конце января, а добрались до стад только в конце марта. При этом ни один из них не имел своего радиоприемника, не доставил почту, складывавшуюся мешками в отделах связи.

Многие красные чумы были укомплектованы случайными людьми и сводили свою работу только к демонстрации кинофильмов. Работа их на местах не изучалась, не контролировалась и не направлялась. По словам заведующей Усть-Юрибеевским красным чумом А.Ф. Шестаковой, за все время ее работы с 1960 по 1966 гг. в ее чуме не побывал никто из райотдела культуры, райкомов комсомола и партии, окружных организаций. Не оказывали помощи и руководители совхозов и рыбзаводов. За время нахождения в тундре - 10 месяцев в году в сложнейших бытовых условиях - работники красных чумов не получали ни командировочных, ни полевых в размере 40% к окладу, подобно другим категориям работников, трудившихся в аналогичных условиях. Это приводило к частой сменяемости кадров и их незаинтересованности в результатах своего труда.

Тем не менее, нельзя недооценивать значение деятельности красных чумов. С их помощью в быт народов Севера прочно вошли полотенце, мыло, нижнее белье и верхнее платье, подушки, одеяла, постельные принадлежности, часы, радиоприемники, многое было сделано для ликвидации неграмотности, стал об-

щедоступным русский язык. Работники красных чумов проводили беседы с применением наглядных пособий и диафильмов, читали лекции, обсуждали просмотренные кинофильмы. В каждом передвижном учреждении культуры имелись настольные игры, библиотечка-передвижка с 150-200 экз. книг в основном политического и художественного содержания. Однако формы культурно-массовой работы были достаточно однообразны и не учитывали особенностей традиционной культуры аборигенов.

Подобное положение сложилось отчасти из-за отсутствия подготовленных для работы с коренным населением кадров. Областное и Салехардское окружное культурно-просветительские училища не занимались изучением форм национального творчества малых народностей Севера и их выпускники, подготовленные к работе с русским населением, не могли не только внедрять новые формы развития национального творчества, но и развивать уже существующие. Из общего числа работников органов и учреждений культуры в Ямало-Ненецком округе представителей коренной национальности было менее 30%, в Ханты-Мансийском - 8-10%. В штатах окружных Домов народного творчества (ОДНТ) отсутствовала должность методиста по национальному творчеству.

На протяжении 60-х гг. интерес к красным чумам среди коренного населения постепенно угасал, поскольку ни формы деятельности его, ни материальная база практически не обновлялись. Появилась настоятельная потребность реорганизовать деятельность передвижных учреждений культуры. В 1971 г. красные чумы были преобразованы в агитационно-культурные бригады, деятельность которых стала более разнообразной.

В. А. Мазин

Осмысление стереотипов культуры обских угров через мифологему природосообразности

От древнейших этапов развития культуры обских угров со-

хранилось немало архаических представлений о мироздании, природе, животном мире. Говоря о стереотипном выражении мифолоґемы природосообразности в культуре обских угров, следует учитывать, что у хантов и манси нет различия, противопоставления между знаниями и практическими навыками, умениями. Мифологема, поддерживаемая энергией подсознательной составляющей менталитета аборигена Северо-западной Сибири, не отображает действительности, но выделяет из неё формальные сущности, что для мифологизированного сознания архаического человека представляется фактом познания среды обитания. Архаические способы осмысления наделяют природный мир статусом «реально существующей» картины мира.

Обско-угорская древность - явление евразийского культурного пространства, о чём неоднократно и подробно сказано в этнологических и этнопсихологических исследованиях. По нашему мнению, этнологические очерки румынского историка религии, антрополога Мирча Элиаде, посвящённые судьбам европейской цивилизации, значительно расширяют наши представления о сакральной, трансцендентальной, мифологической реальности, давно запечатлённой в культурах бесписьменных народов. [3; 25-54, 307 - 329]

Универсальный мифологический символ разворачивается в сознании до мифологических текстов о происхождении ландшафта, о священных предках человека (тотемах) и т. д. Мифологические тексты ритуализируются и выражают свою содержательность в обрядах. Внимательное изучение мифологии обских угров, а также творчества профессиональных литераторов из числа титульных народов Ханты-Мансийского автономного округа, помогает выявить древнейший архетипический образ родной природы, где человек важный, но не доминирующий субъект естественной средой обитания. Характеризуя этнопсихологическое своеобразие хантов бассейна реки Пим, А. С. Песикова отмечала, что «среди них, в основном, мыслящие практики и практикующие мыслители, то есть материальное неразрывно

сосуществует с духовным».[2; 47] Переплетение материального и духовного, по нашему мнению, как раз и характеризует культуру аборигенов ХМАО как природосообразную, где реальность – природа, а ирреальность – её образ. При этом синкретизме материального и духовного достигается единство сополагаемых и противоположных для европейца явлений действительности: производство материальных благ, воспитание детей и фольклор, животный мир, сородичи и времена года... Игнорирование какого-то одного звена во взаимосвязи явлений разрушает традиционную систему бытия. Обратим внимание на замечание А. С. Песиковой о том, как обские угры осознают гармонию компонентов природы. «Гармония, - отмечает исследователь, - в порядке и хаосе, в позитиве и негативе, всё гармонично, строится в стройные ряды и образует хаос, несёт в себе плюс и минус, не только в отношении к человеку, но и к другим субъектам и объектам. Хорош дождь для линной птицы, но неприятен человеку; хороша жара для человека, но нехороша растениям; хорош глубокий снег для медведя в берлоге, но нехорош для оленя. Человек не должен забывать о том, что он является лишь одним из тех, кого создал Бог, и подчиняется тем же законам, которые писаны для всех, с кем он одного рода и племени; пусть даже этот «иной» имеет форму растения, форму животного, форму представителя другой национальности». [2; 47]

Этнические стереотипы упорядочивают, схематизируют и детерминируют культурную картину мира под влиянием сигналов менталитета. Стереотип реализует принцип экономии усилий, что характерно для повседневного человеческого мышления, где нет места череде проб и ошибок. Стереотипы любого этноса защищают непохожесть, специфичность социального организма, их содержательность определена традиционными ценностями конкретного общества. Необходимо пояснить, что стереотипы усваиваются очень рано в качестве «чувственной ткани мира» (А. Н. Леонтьев). Это и позволяет им участвовать в идентификации. Мы здесь выделяем именно идентификацион-

ную функцию стереотипов, в которой, по нашему мнению, взаимодействуют обе группы: авто- и гетеростереотипы. Стереотипы обских угров оформляют стилистику поведения, которая унифицирует поведение каждого члена общества, а сами в свою очередь конструируются элементами этнического самосознания, которое насыщено развёрнутой мифологемой природосообразности.

Стереотипность сообразных природе отношений (в моделях и фактах поведения) есть не что иное, как функциональное выражение мифологемы природосообразности. Антропотипичность обских угров выражена в информационных признаках этой природосообразной мифологемы, как на вербальных, так и на невербальных (паралингвистических и экстралингвистических) уровнях.

Мифизация основных понятий человеческого бытия в природе, биологические законы которой рационально не постигаются и не объясняются, но благоговейно принимаются, не противоречит рациональному приспособлению бытовых ситуаций к ситуативным (погодным, сезонным) проявлениям природной динамики. Приспособление к среде обитания происходит посредством изображения парадигм народной жизни через самобытную экзегезу (объяснение, истолкование) символики мифологических текстов, знаковой сущности мифов, фабулы фольклорных произведений. Экзегетическими символами, знаками насыщены живые традиции хантов и манси, а также бытовые орудия, предметы. Упрощённо можно сказать так: реальность биосферы не имеет рационального объяснения и мифологизируется, а созданная мифологема, представленная текстом, символом, знаком, рационально объясняется и формирует нормативы поведения охотника, рыбака, собирателя природных даров.

В работе А. Н. Леонтьева «Материалы о сознании» отмечено, что «орудия, предметы сами по себе суть вещи не психологические. Они становятся психологическим фактом лишь постольку, поскольку они определяют психические процессы. Как

же они их определяют? Лишь как знаки и значащие вещи». Символы, знаки, опосредуя психические процессы, строят «мир человеческого сознания». И, по словам учёного, чтобы исследовать сознание, нельзя ограничиваться исследованием значений, нужно исследовать то целое, в котором „живут" значения...». Обратим внимание и на важное дополнение Алексея Николаевича Леонтьева: «Развитие значений само зависит от некоторых общих моментов сознания». [3; 19 - 23.]

Нам представляется важным рассмотреть пространство отношений, сообразных природе, т. е. в семантико-информационном анализе выявить мифологему природосообразности. Самоорганизация этнических коллективов обских угров происходила в условиях энтропии (хаотического, неупорядоченного превращения, поворота части внутренней энергии замкнутых систем «природа-человек»), которая характеризуется адекватной субъект - субъектной обратимостью, направленностью к обмену видов энергии. Лишь необратимые процессы в природе порождают идеи о конечности мира («тепловой смерти»). В мифологическом сознании обских угров не имеют места эсхатологические мотивы. Три мира (надземный, земной и подземный) вечно реальны, хотя их взаимодействие упорядочено смысловой значимостью срединного, упорядоченностью биосферных коммуникаций. Информационная природа человека традиционной культуры подчинена законам биосферы, ландшафта. Хотя эта информационная природа в историческом плане менее развита, чем информационная природа человека, живущего в цивилизованном обществе, в ней конструктивно обозначена первичность мироотношения экофилов. И это необходимо учитывать при любом иноэтническом вмешательстве в жизнь уникальных архаических поселений ХМАО, которые ещё имеют, к нашему счастью, древние традиции гармонизировать свои отношения с природой и могут представить кризисному обществу техногенной цивилизации смысловую сущность культуры экофилов.

Примечания

1 Леонтьев А. Н. Материалы о сознании// Вестник МГУ. Психология – 1988. - № 3.
2 Песикова А. С. Некоторые аспекты этнопсихологии народа ханты.//Народы Северо-западной Сибири. Вып. 5. – Томск, 1998.
3 Элиаде М. Миф о вечном возвращении./Научн. ред. В. П. Калыгин, И. И. Шептунова. – М., 2000.

А.М. Кошкарёва

Типы лексических диалектизмов в сибирских говорах

Термин «диалектизм» трактуется учёными по-разному. Одни исследователи дают определение «диалектизму» косвенно, т.е. дают понятие диалектному слову, и дальше говорят уже о типах диалектизмов, например, В.В. Колесов, ссылаясь на определение Ф.П. Филина: «Диалектным словом является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)»[2], говорит далее о группах диалектных слов, которые можно выделить (в соотношении с лексикой литературного языка, и в перечислении групп использует термин «диалектизм»): собственно-лексические диалектизмы…»[3].

Подобное косвенное определение диалектизма в учебниках русского литературного языка: «В русской лексической системе выделяют группы слов, сфера употребления которых ограничена той или иной территориальной закреплённостью. Такие группы слов называются диалектными. В своей основе – это говоры крестьянского населения, которые до сих пор сохранили отдельные фонетические, морфологические, синтаксические и лексические особенности. Это даёт возможность выделить диалектизмы фонетические…» (Н.С. Валгина)[4]. «Совокупность лексических единиц, которые составляют специфическую принадлежность того или иного территориального диалекта и распространены в речи только местного населения образует диа-

лектную лексику. В составе лексических диалектизмов выделяются разновидности: собственно-лексические...» (А.В. Дудников, И.Б. Голуб)[5].

Другие лингвисты дают конкретное определение диалектизму, отталкиваясь не от диалекта, как выше названные, а от литературного языка, например: «Диалектизм – слово или словосочетание в литературном языке, которое не входит в его лексическую систему, а является принадлежностью одного или нескольких говоров русского национального языка» (В.Н. Прохоров)[6]; Диалектизмы – это «характерные для территориальных диалектов языковые особенности, включаемые в литературную речь. Диалектизмы выделяются в потоке литературной речи как отступления от литературной нормы» (Л.Л. Касаткина)[7]; «Слова, свойственные тем или иным диалектам и вкрапливаемые в литературную речь, называются лексическими диалектизмами» (Ф.К. Гужва, Л.П. Крысин)[8].

О.И. Ахманова в «Словаре лингвистических терминов» даёт два значения термина «диалектизмы»: 1. Диалектные слова, употребляющиеся в языке художественной литературы как средство стилизации слога; 2. Фонетические, грамматические и лексические особенности, свойственные тем или иным диалектам и вкрапливаемые в речь, в основном соответствующую нормам литературного языка[9].

Сравнение типологии диалектизмов разных авторов показывает, что в научной литературе также нет единой, строгой классификации. Большинство авторов, сопоставляя диалектные формы с литературным языком, выделяют 5 типов диалектизмов: собственно лексические, отличающиеся от литературного эквивалента всем фонемным составом; лексико-фонетические – фонетической диалектной особенностью; лексико-словообразовательные – аффиксами; лексико-семантические – значением; этнографические – слова, называющие предметы традиционного уклада жизни на той или иной территории (А.В. Дудников, В.Н. Прохоров)[10].

Известные диалектологи Н.А. Мещерский и В.В. Колесов кроме традиционных 5 типов называют фонематические диалектизмы, отличающиеся от литературного эквивалента одной фонемой[11]; Л.П. Крысин, Л.Л. Касаткин, Ф.П. Гужва – грамматические, отличающиеся отдельными грамматическими категориями, например, категорией рода, числа, склонения[12]; Е.И. Диброва – морфологические и синтаксические[13].

Известный сибирский диалектолог О.И. Блинова (г. Томск) говорит не о типах диалектизмов, а о вариантах литературных слов: «В говорах отмечены те же виды вариантов слов, что и в литературном языке: лексико-фонетические (ятно-ясно), лексико-семантические (чашка - сосуд и чашка - коленная чашечка) и др.[14] О.И. Блинова предлагает классификацию диалектных единиц (не называя их диалектизмами) того или иного типа по отличительному признаку. Так, лексическая единица диалекта может отличаться от соответствующего литературного слова следующим:

1. Ударением (сна, дочка);
2. Составом фонем (левень - ливень);
3. Грамматической характеристикой (формой рода, числа, парадигматикой и т.д.): кедра, кедро - кедр;
4. Аффиксом (при одном и том же корне и значении): черница - черника, кедерник - кедровник, медвежиха - медведица;
5. Значением (разные случаи).

Эту классификацию, также основываясь на понятии диалектного дифференциального признака, полученного путём сопоставления лексики литературного языка и диалекта, дополняет И.А. Оссовецкий.

Кроме перечисленных признаков, диалектных единиц, он выделяет:

1. Частичное различие в фонемном составе корневой морфемы при более или менее тождественном значении (ужжать, пондравиться);

2. Различие в стилистической окраске (кони добрые, роса пала);
3. Различие в синтагматике диалектных и литературных слов с тождественным составом фонем (стряслась кромешная драка, я тебе мимо не скажу).

Необходимость в дополнении и конкретизации существующих классификаций типов диалектизмов доказывает уже тот факт, что появляются работы, посвященные отдельным типам диалектизмов, не описанным в научной литературе. Например, М.А. Романова (г. Тюмень) описывает лексико-фонологические диалектизмы как явление лексикализации фонетических диалектных явлений, например, произношение гласного звука [а] между двумя мягкими согласными под ударением как гласный звук [е]: опеть, грезь, мечик; или архаичное произношение старого [«ять»] как [и]: Сивер (-ко), ись (есть); твердый согласный звук [р] в словах: грыб, грып, скрыпеть; арихметика, куфайка, фомяк, куфня как результат процесса усвоения фонемы < ф > и другое[15].

Однако в диалектах, в частности, в говорах северных районов Тюменской области достаточно фактов, не отраженных даже в сводной классификации типов диалектизмов, например:

1. Акцентологические диалектизмы (отличающиеся ударением): , м;
2. Фразеологические диалектизмы: сесть на осла, нощна денну перекокавыват; раскрыли горло, как суконное горло, возить веревочку;
3. Сибиризмы (слова, заимствованные из языков коренных жителей): тат. башлык в значении руководитель рыбацкой артели, чембары в значении шаровары, надеваемые сверху зимней одежды и обуви для работы в глубоком снегу; хант. чарым в значении вид наста весной;
4. Лексикализованные диалектизмы (слова, которые отличаются фонематическими особенностями, не связанными с фонетической системой того или иного диалекта, т.е. локально не за-

креплены, но занимают значительное место в говорах), например, слова со следующими фонетическими процессами, не свойственными литературному языку:

1) Диэреза (выброска из слова одного или более звуков): скоко, стоко; струмент, ерес (нерест), баушка;
2) Протеза (подстановка звука в начале слова): аромашка, аржаной, эвон, эвот; сродственник, вольха, вострый, минохоть, карба, етот;
3) Эпентеза (вставка звука в средину слова): пондравиться, страм, цельный, павук, немтой, правдедушка;
4) Метатеза (перестановка звуков в слове): трунда, воврань;
5) Лексикализованная ассимиляция и диссмиляция: ковда, товда, конпания, гумага; пензия, маненько, кажный, пролубь;

Особенно много лексикализованных диссимиляций в словах, заимствованных опосредованно через литературный язык и недостаточно освоенных диалектом: секлетарь, дилектор, паликмахер и других.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Соглашаясь с лингвистами, которые дают определение «диалектизма», опираясь на языковые особенности диалекта, уточняем определение: слова, словосочетания и выражения, имеющие диалектные фонетические, лексические и грамматические особенности, которые выявляются в сопоставлении с литературным языком.
2. Располагая богатейшими диалектными материалами говоров северных районов Тюменской области, существенно дополняем и конкретизируем существующие классификации типов лексических диалектизмов.
3. Вводим в научный оборот новые диалектные факты, новые термины.

Литература

1. Кузнецов П.С. Русская диалектология. М., 1954.
Русская диалектология / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 1989.

Русская диалектология / Под ред. П.С. Кузнецова. М., 1973.
2. Филин Ф.П. Проект «Словаря русских народных говоров» М.-Л., 1961. С. 22.
3. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М.: Высшая школа, 1999. С. 172
4. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной. М.: ЛОГОС, 2001. С. 30.
5. Дудников А.В. Современный русский язык. М.: Высшая школа, 1990. С.85.
Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.Л. Современный русский язык. М., 1994. С. 110-111.
6. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. С. 70-71.
7. Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.
8. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык. Киев, 1973. С. 78.
Русский язык / Под ред. Л.Л. Касаткина. М.: АКАДЕМА, 2001. С.214.
9. Ахманова О.И. Словарь лингвистических терминов. М.
10. Дудников А.В. Современный русский язык. М., 1990. С.85.
Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М., 1979. С. 264.
11. Русская диалектология / Под ред. В.В. Колесова. М., 1990. С. 172-173.
Русская диалектология / Под ред. проф. Н.А. Мещерского. М., 1972. С. 263-264.
12. Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык. Киев, 1973. С. 78-79.
Русский язык / Под ред. Л.Л. Касаткина. М., 2001. С. 214-215.
Большой Энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В.Н. Ярцевой. М., 1998. С.
13. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2-х ч. Ч. 1. М., 2001. С.320-321.
14. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975. С. 93.
15. Романова М.А. Лексико-фонетические диалектизмы в русских старожильческих говорах по нижнему течению Тобола // Лексика и фразеология русского языка / Отв. ред. акад. Н.К. Фролов. Тюмень, 1998. С. 135-145.

Е.А. Уколова

Формы внедрения регионального компонента в экологическом образовании

Формирование экологической культуры у детей требует разработки системы экологического образования. Эта система

включает определенное содержание, методы и формы работы, а также создание условий, необходимых для постоянного общения детей с природными объектами.

Формы и методы подачи материала используются в зависимости от психологических особенностей детей определенного возраста. Все проводимые занятия должны быть разнообразны по своему содержанию, организации, методам проведения.

Региональный принцип в экологическом образовании ориентирует преподавателей на «систематическое использование местного материала в экологическом учебно-воспитательном процессе» (2). Национально-региональный компонент в экологическом образовании и воспитании выполняет в образовательном процессе ряд функций и обладает определенными дидактическими и воспитательными возможностями:

- способствует реализации таких принципов, как наглядность, связь обучения с жизнью, развивающий и воспитывающий характер обучения;
- решает проблему целостности образовательного пространства, обеспечивает единство и преемственность содержания образования в рамках региона и страны в целом;
- обеспечивает высокие практические навыки, знакомство с методами исследований;
- способствует интеграции знаний различных дисциплин, создает единую картину мира о природе;
- делает экологическое образование действенным;
- позволяет использовать в экологическом образовании и воспитании индивидуально-личностный подход;
- способствует изучению и возрождению отечественной народной культуры, воспитывает любовь к родному краю, его природе, прошлому и настоящему;
- позволяет лучше адаптироваться к окружающей природной и социальной среде.

Принцип региональности в экологическом образовании и обучении позволяет решить проблемы с учетом местных усло-

вий в соответствии с этнопсихологическими особенностями восприятия памяти, воображения ребенка. Кроме того, данный принцип позволяет сочетать теоретическое обучение и воспитание с широкой практической деятельностью школьников и значительно ускорить психолого-педагогическую и методическую разработку условий формирования у школьников экологической ответственности и экологического сознания. Таким образом, материал регионального содержания должен проходить сквозной линией через темы, изучаемые в учебном процессе, во время внеклассной работы.

Формы обучения – это организация учебно-познавательной деятельности учащихся, соответствующая различным условиям ее проведения, используемая в процессе воспитывающего обучения. Обучение осуществляется в определенных организационных формах, под которыми подразумевается урок, экскурсия, практические и лабораторные занятия, лекция, семинар, производственная и педагогическая практика, домашняя работа и др.

Современный период выдвигает новые формы и требования к воспитанию детей и активизации их усилий по охране окружающей природной среды, использованию природных ресурсов

Формы, используемые в региональном экологическом образовании, можно условно разделить на 5 блоков.

1.Образовательный блок подразумевает реализацию учебных планов, через проведение уроков.

А) При использовании теоретического материала, наглядных средств обучения во время урока, лекции необходимо использовать материал регионального содержания, а не отвлеченную информацию, пусть даже связанную с темой урока, но далекую от жизни, от того, что окружает нас каждый день. При этом обучение на уроке предполагает опору на личный опыт учащихся. Ученикам легче, интереснее, доступнее изучать материал, если он связан со знаниями местных природных и социальных явлений. Опора на личный опыт – необходимое условие

успешности организации урока. Для этого нужно «вытащить» эмоциональный, пусть не очень богатый личный опыт ребенка, тогда он будет заинтересованно слушать то, о чем вы рассказываете, принимать участие в обсуждении темы урока.

Б) Практическая деятельность, связанная с изучением объектов природы во время экскурсии, внеурочных, домашних заданий, способствует более прочному закреплению теоретических знаний. Ребенок, увидевший, прочувствовавший, что рядом с ним в повседневной жизни встречается то, о чем говорится на уроке, будет внимательнее относиться к своему природному окружению. Это позволяет напрямую формировать у детей бережное отношение к окружающему миру. Ребенок обучается рационально использовать или защищать объекты природы, и они выступают для него предметом заботы и туда. Соблюдение правовых и этических требований отношения к этим объектам является нормой поведения.

2.Исследовательский блок. Проведение исследовательских работ в природной и городской среде, организация мониторинга. Реализация данного блока происходит на территории проживания детей. Наиболее массовой формой данного направления является стационарный экологический практикум. В этой форме экологического образования выделяют три направления:

- изучение и анализ природных экосистем, а также редких исчезающих видов;
- изучение влияния антропогенного фактора на окружающие экосистемы;
- изучение городских экосистем.

В городских условиях практикум можно организовать на базе школы, но лучше его проводить на природе. Конечно, данная форма подразумевает изучение местных экосистем, что позволяет сформировать у учащихся не только опыт оценочных и прогностических суждений, но и более эффективно формируется ответственное отношение к окружающей среде. В последнее время широкое распространение получили такие формы, как

экологические тропы, экспедиционные отряды, экологические летние лагеря. Цель этой работы – воспитание рачительного хозяина своей земли.

3.Культурно-массовый блок. Проведение групповых, классных и общешкольных экологических культурно-массовых и шоу-программ, при проведении которых необходимо затрагивать экологические проблемы местности, в которой живут дети. Конечно, хорошо, когда у детей имеются знания о глобальных экологических проблемах, но начинать нужно с локальных проблем, которые дети в силах изменить или принять участие в их решении.

4.Международное сотрудничество. Участие школьников в обменных, образовательных и исследовательских международных программах и проектах. Проект – это форма организации учебной деятельности, подразумевающая участие детей в определенных видах деятельности, объединенных конечной целью.

5.Природоохранная и пропагандистская работа. Проведение природоохранных мероприятий и акций. Пропаганда экологических знаний через средства массовой информации школы, города, округа. Организация школьных театров – студий, видеостудий, мультимедиастудий и т.д. Экологический театр является действенной формой, активизирующей участие школьников в пропаганде экологических знаний и идей охраны природы. В ходе работы над сценариями и во время выступлений учащиеся сами приобщаются к важнейшим экологическим проблемам как своего региона, так и всей Земли в зависимости от содержания, которое несет выступление. Данная форма позволяет развивать эстетические вкусы, расширять кругозор. Ребята освобождаются от различных комплексов, формируется свободная личность.

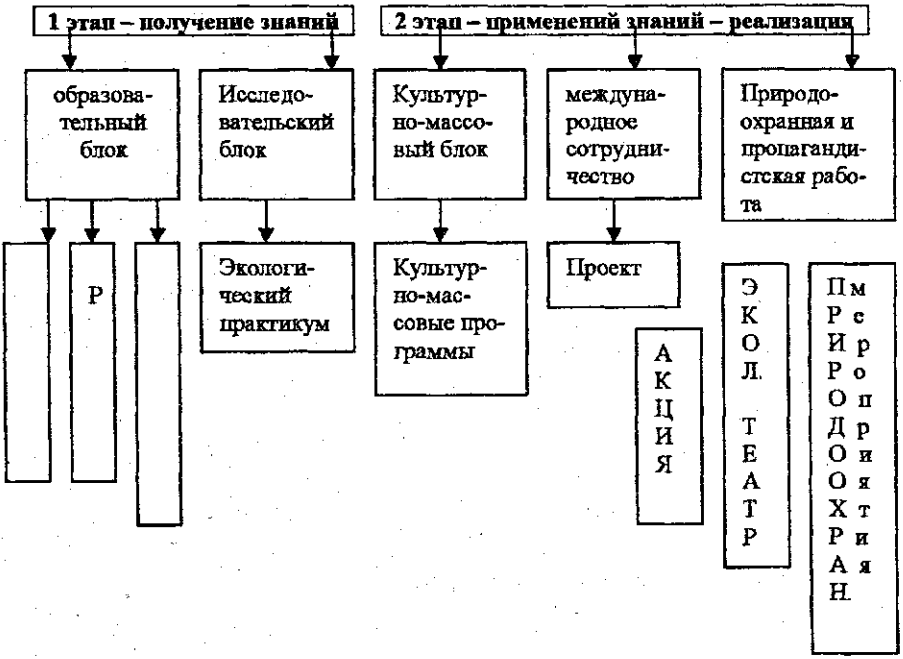
Для реализации регионального компонента используются разные формы, они находятся в системе и взаимосвязаны.

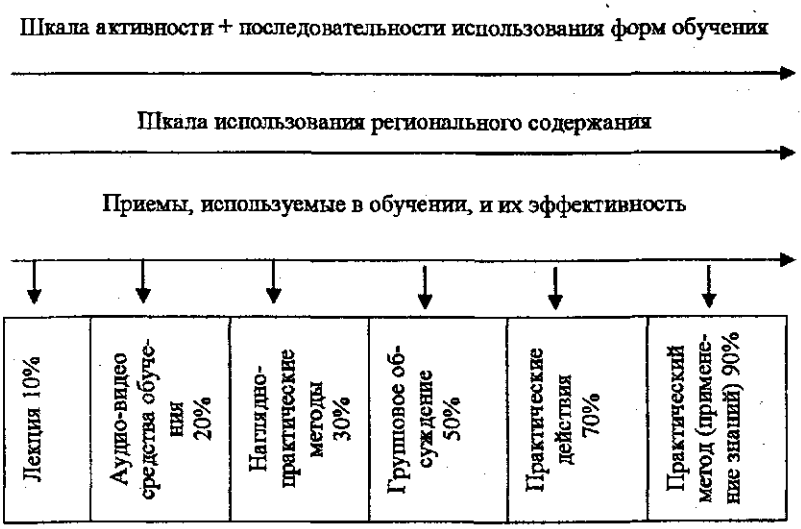
Формы известны, вопрос в том, как использовать данные формы, в какой последовательности?

Сразу начинать с акции – бессмысленно, да это и не получится, у детей должны быть знания для ее организации и проведения. Можно в начале, но дети в этом случае будут выступать в роли пассивных наблюдателей, всю работу выполнит педагог. А вот если начать с подачи теоретических знаний в процессе беседы или лекции, то, имея багаж знаний, опыт по определенной теме, активность учителя снижается - и он выступает в роли консультанта. А это идеальный вариант!

Без форм обучения, основанных на передаче теоретических знаний, не обойтись. Но лекционный материал необходимо свести к минимуму. Его использование должно включать различные, более приемлемые для детей формы, например: лекция-игра и т.д.

Виды деятельности





Данная схема позволяет не только включить в экологическое образование региональный компонент, но и проследить его объем внедрения. От начала до конца траектории обучения объем материала регионального содержания увеличивается; также увеличивается эффективность используемых методов; средств обучения, например, общеизвестно, что эффективность использования такой формы, как лекция, всего 5%; чтение литературы (учебники)- 10%; аудио-визуальные средства – 20%; демонстрация – 30%; групповое обсуждение – 50%; практические действия – 70%; применение знаний – 90%

Также по мере продвижения по схеме увеличивается практический подход в реализации данной формы.

Литература

1. Рыжова Н.А. «Сказка – ложь, да в ней намек...» (сборник текстов для чтения по экологии для детей младшего возраста).- Тамбов, 1995.
2. Русинова Н.А. Методы и формы работы Коряжемского отделения Всероссийского общества охраны природы по экологическому образованию и

просвещению./ Труды Межрегиональной конференции северных регионов Российской Федерации (Ухта. 21-24 сентября 1999г.), Сыктывкар, 2000.
3. Суринов А.А. Формы и методы современного экологического образования./ Опыт, проблемы и перспективы развития непрерывного экологического образования.. Межрегиональная научно – практическая конференция. - Ханты-Мансийск, 2001.
4. Яцевич С.Ю. Экологический театр как форма пропаганды экологических знаний. - Минск, 1994.

Л.А.Романюк

Исследование эколого-флористического состояния травянистых растений поймы реки Кыртыпьях

Одной из задач экологического образования является внедрение регионального компонента как в школьную программу, так и во внеклассную работу. Краеведческие знания дают возможность подрастающему поколению лучше познать природу своего региона и воспитать любовь и ответственное отношение к ней. С этой целью мегионским Экоцентром продолжена работа над проектом «Наблюдения за реками», реализация которого рассчитана на три полевых сезона.

В 2001 г. при изучении темы «Речная вода» главную роль играли гидрологические исследования, в которые вошли изучение водного режима, вычисление стандартных гидрологических показателей и т.д. Исследования 2002 г. – «Речные берега», основывались на изучении эколого-флористического состояния травянистых растений поймы р. Кыртыпьях Нижневартовского района. В 2003 г. в рамках заявленного проекта по теме «Речные обитатели» запланировано изучение зоопланктона и ихтиофауны.

Водные объекты, особенно реки и речушки, являются одной из важнейших составных экосистем на территории Ханты-Мансийского автономного округа и пока ещё недостаточно развиты как проекты, открывающие широкие возможности в реализации экообразовательных задач. Поэтому биологическое иссле-

дование реки Кыртыпьях представляется наиболее значимым и перспективным. Все виды работ проводятся совместно с ребятами из исследовательского клуба «Юный краевед», организованного в 2001 г. при Экоцентре.

В ходе полевого практикума по реализации темы «Речные берега» сотрудники Экоцентра ставили следующие цели и задачи:

1. Изучение растений живого напочвенного покрова экосистем поймы р. Кыртыпьях, закладка пробных площадей.
2. Приобретение подростками опыта исследовательской работы.

Изучая речной берег, школьники знакомились с флорой родного края непосредственно в полевых условиях, учились анализировать результаты своих наблюдений, проводить замеры, чертить схемы и т.д.

Во время полевого сезона (июнь-август) 2002 г. экологами было определено и описано 40 видов травянистых растений. Среди них имеются редкие и исчезающие виды, такие как: княжик сибирский (Atragene sibirica), чемерица Лобеля (Varatrum Lobelianum), ятрышник Фукса (Orchis Fuchsii), лютик лапландский (Ranunculus Lapponicus), крестовник Якова (Senecio Facobaea L.), водяной орех (Trapa). Два вида: ятрышник Фукса и водяной орех занесены в Красную книгу бывшего СССР.

Водяной орех, рагульник или чертов орех является уязвимым реликтовым видом, довольно часто встречается в южных районах бассейна Оби. Для Нижневартовского района это растение является довольно редким. Однолетник. Растет в стоячих или слабопроточных водоемах, преимущественно в поймах рек на глубине 50-250 см. Предпочитает илистые грунты. Размножение семенное. Семена долго сохраняют всхожесть (в подходящих условиях - до 40-50 лет); прорастает ежегодно только часть семян – это одна из причин резкой пульсации численности водяного ореха по годам.

По итогам работы в конце полевого сезона был составлен отчёт «Исследование эколого-флористического состояния травянистых растений поймы реки Кыртыпьях». Кроме того, оформлен фотогербарий, в который вошли многие из описанных растений.

Главным в исследованиях эколого-флористического состояния травянистых растений поймы р. Кыртыпьях является изучение растений напочвенного покрова разных экосистем, таких как: березняки разнотравно-пойменные, низинные болота, заболоченные луга, березняки-долгомошники, кедрачи - зеленомошники.

Инвентаризация флоры и выявление эндемичных, исчезающих и прочих, нуждающихся в охране видов растений, на территории округа не проводились. Наиболее изученными в этом отношении являются горные районы Приполярного и Северного Урала (Горчаковский П.Л., Шурова Е.А., 1982). Сведения для равнинной части территории неполны и неточны. Опубликованные материалы относятся к южным районам Западной Сибири. Лишь для территории заповедников, где ведутся ботанические исследования, составлены списки редких растений, но они не опубликованы. Поэтому проект «Наблюдение за реками» важен для составления кадастра местообитаний всех видов растений, в том числе и редких и организации мониторинга состояния их популяций.

Кроме того, через знакомство с растительностью поймы р. Кыртыпьях школьники соприкасаются с живой природой родного края. Работа подростков по исследованию – это практическая сторона природоохранного просвещения. Непосредственная работа в полевых условиях, общение с природой имеет большое воспитательное значение, способствует развитию экологической культуры района, региона и укреплению знаний о природе.

Н. А.Иванова,
Р.Н. Костюченко

Эколого-физиологические особенности ивовых.

Ивовые широко распространены на земном шаре. Представители данного семейства встречаются на территории России от арктических пустынь до вершин гор (около 200 видов половина от мирового состава). Ивняки тянуться почти непрерывной лентой вдоль русла реки Обь от слияния Катуни и Бии до Обской губы.

Особенно значительная часть ивняков сосредоточена в Среднем Приобье. Ивовые леса приурочены, главным образом, к речным поймам, в которых идет непрерывный процесс возникновения новых субстратов, пригодных для заселения растениями. Площадь пойм на территории Ханты-Мансийского автономного округа около 2,3 млн. га.

Ивовые леса выполняют важные функции в таежных экосистемах. Заросли ивовых в поймах Оби и Иртыша являются высокопродуктивными фитоценозами и имеют большое значение в восстановлении и защите природной среды.

Экологические и физиологические особенности ив в том числе и Среднего Приобья изучены недостаточно. В тоже время их высокая продуктивность и эврибионтность должны привлечь более пристальное внимание ученых. Ивняки являются важным звеном в формировании таежного биома. Они выполняют очень значимые функции: берегозащитную, принимают участие в регулировании газового и водного обмена, вносят большой вклад в накопление органического вещества и стабилизацию экосистем Среднего Приобья.

Характерными свойствами ив является влаголюбие, светолюбие и способность быстро заселять вновь образующиеся субстраты. Значительная часть видов ивовых приурочена к речному аллювию, где они являются «пионерными» растениями. Ивы

произрастают в самых разнообразных местообитаниях. Основные особенности экологии ив тесно связаны с их физиологией.

Характеризуя экологию ив, выделяют две экологические группы – аллювиальные и неаллювиальные. Аллювиальные виды селятся на наносах вдоль рек и ручьев, так как нуждаются в хорошо аэрируемом субстрате и проточном увлажнении. Это деревья и высокие кустарники с большой энергией роста (ива белая (Salix alba), ива корзиночная (Salix viminalis)).

Неаллювиальные виды произрастают на самом разнообразном субстрате, даже на глинистом и торфянистом. Эти виды менее требовательны к аэрации субстрата. Поэтому селятся в условиях как умеренного, так и избыточного увлажнения. В основном это кустарники и кустарнички, не дающие корневой поросли.

Аллювиальные виды часто имеют более широкую и высотную амплитуду, нежели виды неаллювиальные.

Общим свойством ив является светолюбие. Однако некоторые ивы способны выносить известную степень затенения и расти в лесах (ива козья (Salix caprea), ива шестистопная (Salix hastata), ива бебба (Salix bebbiana).

Ивы приспособлены к различным условиям влажности и температуры воздуха. Видам аридных областей свойственна особенно рыхлая крона, мелкие и узкие листья, устьица располагаются на нижней и верхней стороне. Для ив, произрастающих в условиях умеренного климата, характерны широкие и мягкие листья, отсутствие устьиц на верхней стороне.

В процессе эволюции ивы выработали широкую гамму жизненных форм, физиологических особенностей и приспособились к большому разнообразию условий. Обладая способностью быстро поселяться на вновь образующихся субстратах, ивы очень широко распространены в разнообразных вторичных местообитаниях, создаваемых деятельностью человека. Они легко заселяют рытвины, карьеры, насыпи, запущенные поля и огороды.

Менее всего изучена физиология ив. В течение трех лет (2000, 2001, 2002 гг.) нами были проведены исследования по изучению физиологических и биохимических особенностей некоторых видов ив (Salix pentandera, Salix viminalis, Salix alba). В качестве эталона для сравнения были использованы растения осина (Populus tremula) и береза пушистая (Betula alba), такого же возраста и тех же сообществ, что и ивы. Были изучены интенсивность фотосинтеза и восстановительная способность хлорофилла, интенсивность дыхания, транспирации, наличие дубильных веществ и алкалоидов. Проведены исследования по выявлению устойчивости к различным концентрациям нефти.

Определение интенсивности транспирации листьев деревьев проводили весовым методом по Иванову. Интенсивность фотосинтеза определяли по приросту органического вещества. Интенсивность дыхания изучали по количеству выделившегося углекислого газа. Устойчивость к различным концентрациям нефти производили в лабораторных условиях. Веточки растений помещали на хорошо увлажненный песок с различной концентрацией нефти, а затем в течение недели просматривали и фиксировали состояние листьев изучаемых видов (увядание, побурение, усыхание).

Согласно правилу экологической индивидуальности видов Л. Г. Раменского каждый вид специфичен по своим экологическим возможностям. Она является отражением генетики организма и носит приспособительный характер к тем или иным условиям среды. Физиологические механизмы также отражают эту закономерность.

Знание закономерностей водообмена ивовых важно для оценки расхода воды растениями в общем круговороте в природе и водном балансе местности. Его изучение у ив показало, что суточный ход кривой транспирации у изученных ив представляет собой двугорбую кривую. Утром (8 ч) и вечером (16 ч) у всех видов ив наблюдается наименьшая степень открытия устьиц,

интенсивность транспирации минимальна (в среднем утром – 0,45 и вечером – 0,51 г*ч/дм^2).

Особенностью водообмена ив является напряженный обмен воды в течение суток в сравнении с осиной и березой. В первую половину дня количество воды в листьях ив растет, среднее значение составляет 1,1 г/дм^2 (Salix viminalis – 1,1; Salix pentandera – 1,1; Salix alba – 1,2 г/дм^2). Во вторую половину содержание воды в листьях резко убывает и достигает минимума: в среднем 0,7 г/дм^2. У березы и осины наблюдается другая картина: содержание воды в листьях в течение дня растет (Betula alba – с 1 до 1,2 г/дм^2; Populus tremula – с 1 до 1,3 г/дм^2) и достигает максимума вечером, при этом изменение носит более ровный характер.

Таким образом, на основе изучения суточного колебания воды в листьях, а также хода кривых транспирации мы пришли к заключению о гидролабильном типе водного обмена у ивовых. Это позволяет им селиться в различных условиях водоснабжения, и по отношению к этому фактору они являются эврибионтами.

Высокая скорость роста ивовых позволяет предполагать, что они имеют высокую фотосинтетическую активность.Изучение особенностей интенсивности фотосинтеза у ив по накоплению органического вещества в листьях показало, что процессы ассимиляции на единицу площади листьев у них идут с большей скоростью, чем у березы и осины. Средние значения накопления органического вещества у ив превышают этот показатель у березы и осины (Salix pentandera – 0,333, Salix viminalis – 0,416, Salix alba – 0,341; Betula alba – 0,09; Populus tremula – 0,206 г/дм^2 за 24 ч).

Установлена коррелятивная связь между интенсивностью водообмена и интенсивностью накопления органики в листьях ив: более напряженной интенсивности водообмена соответствует повышенное образование органического вещества.

Восстановительная активность хлорофилла в листьях была значительно выше у ивовых, чем у березы. Зеленая окраска у изученных видов ивы восстанавливалась в течение 2 минут, у березы – в течение 4 минут, у осины – в течение 11 минут. Полученные результаты говорят о высокой фотосенсибилизирующей способности хлорофилла у ивовых. Возможно это один из факторов обеспечивающих высокую биопродуктивность данной группы растений.

Как уже было отмечено, для ивовых характерна высокая скорость роста, что может быть связано или высокой интенсивностью фотоассимиляции или небольшими тратами на дыхания. Полученные результаты по изучению интенсивности дыхания листьями подтверждают это положение. В ходе исследований было установлено, что процесс дыхания листьев ив, которое изучалось по выделению углекислого газа, происходит с меньшей интенсивностью, чем у березы. Среднее значение интенсивности дыхания для ив было в полтора раза ниже чем у березы.

Исследования по определению некоторых биохимических показателей показали у ив наличие высокого содержания дубильных веществ и алкалоидов.

Среднее Приобье – район интенсивной разработки нефтегазовых месторождений. Одним из основных факторов антропогенного воздействия на растения являются разливы нефти. Проведенные исследования по влиянию нефти различных концентраций нефти показали, что изученные виды ив характеризуются меньшей устойчивостью по сравнению с березой и осиной к данному фактору. Уже в первый день после эксперимента у ив наблюдалось сильное увядание листьев (от 5 до 25%). К седьмому дню у всех видов ив на листьях побурение составляло (от 10 до 30%). При этом листья ив быстрее подсыхали, чем у осины и березы. Листья березы в первый день не претерпели никаких изменений, лишь в конце недели они слегка подвяли. Осина в ряду устойчивости к нефтяному загрязнению заняла промежу-

точное положение между ивой и березой: листья увядали уже в первый день эксперимента (до 5%), бурые пятна на листьях (20%)появились в конце недели. Такая реакция ивовых на различную концентрацию нефти, вероятно, связана с наличием гидролабильного типа водного обмена. И в данном случае он сразу нарушается вследствие закупорки проводящих сосудов нефтью, и растения в этих условиях не могут регулировать свой водный режим. Обычно растения, имеющие высокую скорость обменных и ростовых процессов более уязвимы к воздействию неблагоприятных факторов.

Таким образом, представленные здесь данные указывают на наличие у ивовых своеобразных физиологических механизмов, которые обеспечивают их экологические особенности.

ЧАСТЬ III.
РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА

С.Е. Коркин

Научно-туристско-краеведческая экспедиция «Обь»

Научно-туристско-краеведческая экспедиция «Обь» ставила перед собой цели, раскрывающие направления данной экспедиции. Это развитие студенческого туризма среди студентов НГПИ; выполнение научной работы по изучению природных процессов в пойме реки Обь, посредством активного туризма; познание краеведческих особенностей округа.

Участниками экспедиции-похода большей своей частью стали студенты естественно-географического факультета НГПИ в количестве 15 человек. Экспедиционный путь пролегал в основном по судоходной части реки Обь от деревни Соснино до города Ханты-Мансийска и составил, приблизительно 600 км. Началось движение 20 июля 2002 и продлилось до 20 августа 2003 года. Средства передвижения представляли собой две лодки типа «катамаран», названных «Чайка» и «Лагуна» и одно тяжеловесное судно «рафт», названное «Югра», которые оснащались вспомогательным парусным снаряжением и опознавательными знаками. Главной движущей силой являлось весельной снаряжение, приходившее в движение только после потребления сытной пищи.

Несомненно, данная научно-туристско-краеведческая экспедиция не испытала дефицита в многообразии событий, но хотелось бы осветить научно-краеведческий аспект исследований более подробно.

Стоянка у поселка Покур позволила совершить пешие маршруты, во время которых производилось изучение литологического состава берега Покурской протоки, выявлялись осо-

бенности боковой эрозии реки, а также динамика отступания бровки берега.

На границе между Нижневартовским и Сургутским районами было сделано обследование Домашовской заимки, на наличие размыва берега хантыйского кладбища. Размываемый участок составляет 20 метров. Ежегодно на данном участке происходит вымывание гробов, с максимальным количеством 13 по рассказам старожил Домашовской заимки. Нами было выявлено пять гробов частично размытых во время половодья 2002 года. Данное захоронение требует внимания со стороны общественности района и округа в целом. Одним из вариантов может быть организация специализированной экспедиции при финансовой поддержке администрации, как района, так и округа для детального обследования кладбища с перезахоронением гробов. Данный вид работы возможен при согласии с непосредственной помощи хантыйского населения.

Во время экспедиции обследовались береговые участки, подверженные интенсивному размыву и, как правило, при этом страдают населенные пункты первоначально расположенные без учета инженерно-геологических условий. Специфика расселения человека в историческом аспекте вблизи водной артерии, обеспечивала жизнедеятельность человека, ставя его в некоторую зависимость от жизни реки. Разбирая исторические моменты заселения, сложно говорить о инженерно-геологических условиях, когда тебя высаживают на берег, как кулака и ты должен в кротчайшие сроки срубить избу иначе твоя семья вместе с тобой исчезнет. Наиболее интенсивное площадное эрозионное смешение, угрожающее населенным пунктам, было зафиксировано в Высоком Мысе, Лямино, Селеярово, Зеньково. Смешение бровки берега в Высоком Мысе составило по результатам рулеточных примеров порядка 10-25 метров (фото). Целая улица была объявлена аварийно опасной и было произведено вынужденное переселение одной семьи. Впечатляющим был рассказ Анны Изосимовны Кушнаковой – жительницы деревни Пилюгина

(пристань Алочка), которая поведала, что деревня насчитывала 300 домов, а сейчас всего лишь 5 осталось.

Участники экспедиции похода с отличием справились с поставленными перед ними целями и задачами, проявив себя с положительной стороны. Ожидаемые результаты работы, такие как безаварийное ее проведение, выполнение студентами научно-краеведческих исследований, вовлечение студентов в туристическую деятельность, на наш взгляд были успешно выполнены.

Перспективы развития туризма на территории Нижневартовского района

Туризм как один из наиболее популярных видов активного отдыха становится неотъемлемой частью жизни человека с его естественным стремлением к открытию и познанию новых кра-

ёв, памятников природы, истории и культуры, обычаев и традиций различных народов. Организация активного, содержательного отдыха стала важной социальной задачей, а туризм превратился в крупную отрасль обслуживания населения во всём мире.

Правительством Российской Федерации в июле 2002 года принята Концепция развития туризма в Российской Федерации на период до 2005 года. Данная концепция направлена на обеспечение в стране правовой, организационной и экономической среды для формирования современной туристической индустрии.

Современная туристическая индустрия является одной из крупнейших высокодоходных и наиболее динамично развивающихся отраслей мирового хозяйства. Число рабочих мест в сфере туризма на 2002 год составило 8% от общих показателей занятости в мире. По данным Всемирной туристской организации (ВТО) и Международного валютного фонда, туризм с 1998 года вышел на первое место в мировом экспорте товаров и услуг. Средние темпы роста туризма составили в 1950-1999 годах 7% в год, что намного выше среднегодовых темпов роста мировой экономики в целом.

Российская Федерация, несмотря на свой высокий туристический потенциал, занимает далеко не первое место на мировом туристическом рынке. На её долю приходится около 1% мирового туристического потока. По оценкам ВТО, потенциальные возможности России позволяют, при соответствующем уровне развития, туристической инфраструктуры, принимать до 40 млн. иностранных туристов в год. Однако, на сегодняшний день, количество приезжающих в Россию иностранных гостей составляет 7,4 млн. человек, что не соответствует её туристическому потенциалу.

Культурно-этнографические, социальные, экономико-географические особенности Нижневартовского района, на наш взгляд, вполне пригодны для развития внутреннего туризма.

Природно-ресурсный потенциал Ханты-Мансийского автономного округа чрезвычайно богат и разнообразен. Наш округ принято считать «энергетическим сердцем» России. И это не случайно. Ведь на территории округа располагаются одни из крупнейших нефтегазоносных бассейнов мира, имеются внушительные запасы каменного угля и торфа, других полезных ископаемых.

Югория – это край воды и леса. Лесом и водой покрыто, в целом , 90% территории Ханты-Мансийского автономного округа. Крупнейший в Евразии Обь-Иртышский речной бассейн включает в себя сотни рек, десятки тысяч озёр и болот. Заснеженные горные распадки, лиственничные редколесья и таёжные урманы, обильные ягодные болота, обилие рек и озер – прекрасные условия для занятий охотой и рыбалкой.

Красота нашего северного края скромна. Но всё же растёт в наших лесах порода, ценность которой известна любому человеку – это кедр, сосна сибирская кедровая. В Ханты-Мансийском автономном округе кедровые леса занимают площадь 974 тыс.га, но распределение их крайне неравномерно. Основное количество кедровников сосредоточено на востоке округа в бассейне реки Вах.

Говоря о месте Приобского Севера в общероссийском и мировом разделении труда, следует сказать о том, что на территории Ханты-Мансийского автономного округа добывается более 60% российской нефти и такое положение может продлиться десятки лет. Вместе с газовыми месторождениями, расположенными севернее по Оби, Ямало-Ненецкого автономного округа, эта часть обского бассейна формирует значительную часть общероссийского бюджета. Углеводородные ресурсы составляют около 60% всего промышленного экспорта России по стоимости. В этом контексте можно говорить о геополитической (внешней) роли Приобского Севера, который фокусирует в себе все движения мирового хозяйства, стал одним из перекрестков мирового бизнеса.

С другой (внутренней) регионально-политической стороны, это наиболее динамичный и процветающий нефтегазовый регион Сибири, динамика и направленность изменений в котором демонстрируют возможную эволюцию всего социального хозяйственного механизма России. По последним расчетам ученых, нефтедобычу, как главную отрасль производства для Ханты-Мансийского автономного округа можно прогнозировать еще на ближайшие 200 лет.

Нормальным в мировой практике считается наличие выявленных запасов нефти у компании на 20 лет устойчивой добычи. Этот показатель у нефтяных компаний, работающих в округе, очень различен. Так у «Сургутнефтегаза» обеспечена устойчивая добыча на 50 лет вперед. А прогнозы в ТНК в пределах Нижневартовского района дают только 10-15 лет устойчивой добычи, а затем наступит медленное снижение добычи в следующие 30-35 лет. Поэтому в автономном округе всерьез и на всех уровнях обсуждается проблема «что будет, когда кончится нефть?».

Нефтяной бизнес- основа современной экономики Нижневартовского района, находится лишь на пятом месте в мире по прибыльности, поэтому особое внимание нужно уделять развитию тех отраслей, которые по степени эффективности превосходят нефтедобычу. Это пищевой бизнес, приносящий максимальную прибыль, туризм и гостиничный бизнес, занимающей по эффективности второе место, шоу- бизнес, информационная сфера. Развитие этих отраслей обеспечит городу постепенный отход от монопродуктивной (нефтеориентированной) экономики. В случае сокращения добычи нефти, развитие туризма на территории Югры-одна из реальных перспектив развития края.

Перспективы развития внутреннего туризма на территории Ханты-Мансийского автономного округа оценил губернатор округа А.В. Филипенко, считающий, что туризм, на Югорской

земле, можно вывести на второе место по прибыльности, после добычи нефти.

Учитывая актуальность данной проблемы, и с целью экономической выгоды, представляется проект, по развитию внутреннего туризма на территории Нижневартовского района.

Кроме того, основными задачами проекта является:

-развитие внутреннего туризма, как бюджетообразующей отрасли г. Нижневартовска, Нижневартовского района, Ханты-Мансийского автономного округа;

-воспитание уважительного отношения к традициям и культуре малых народов севера;

-привитие модели экологически целесообразного поведения человека на этой Земле.

Эффективная реализация этих задач возможна посредством проведения туристско-экскурсионных маршрутов по территории г. Нижневартовска и Нижневартовского района.

Проведение экскурсионных маршрутов на территории Югры, предлагаемых в нашем проекте, возможно в любое время года. Туристические группы могут формироваться по интересам, по степени физической подготовленности, с учетом возрастной категории.

На территории Нижневартовского района мы можем предложить гостям туры, рассчитанные на различные интересы гостей, на уровень их физического развития, на продолжительность по времени.

Одним из направлений, предлагаемых экскурсий актуальных для нашего округа, является экологический и этнографический туризм. По данному направлению предлагаются следующие маршруты :

- Экскурсия по городу Нижневартовску. Данная экскурсия включает знакомство с историей развития города, его особенностями, интересными и памятными местами.Туристам предлагаются экскурсии в Нижневартовский краеведческий музей,к скульптурно-декоративному комплексу «Покорителям

Самотлора»,к оз. Самотлор ,на берегу которого находится памятник первой скважины Р-1,с которой началась история Самотлорского месторождения, занимающего третье место в мире.

- Поездка в национальный поселок Варьёган, где наглядно показана жизнь, обычаи, особенности, живших здесь с давних времён Аганских ханты и лесных ненцев.Культурно-этнографический парк-музей «Под открытым небом» -первый национальный музей на территории Нижневартовского района и один из первых национальных музеев в Ханты-Мансийском автономном округе. Основан в 1987 году писателем Юрием Вэллой. Обладатель гран-при I Красноярских биеннале. Его музейное собрание - свидетельство о людях, их судьбах, и земле, на которой они живут. Музей показывает разные стороны жизни: жилище, вещи, одежду, предметы утвари, изделия из природного материала: береста, корень кедра, изделия из ровдуги (кожа), деревянные изделия.

Территория парка-музея составляет более 3 га. Открытая территория парка-музея насчитывает 28 - построек старинных национальных чумов, изб, навесов, хранилищ, лабазов, ловушек для зверей и т.д. Музейное экспонирование этих памятников даёт возможность посетителям музея окунуться в историю жизни коренных народов Югры.

- Посещение национального посёлка Корлики, где туристам предлагается несколько дней провести среди девственной тайги, поохотится на боровую и водоплавающую птицу, половить в реках, не тронутых разливами нефти, великолепных щук и окуней. Можно побывать на стойбище коренных жителей, где желающие могут покататься на оленьих упряжках, мотосанях или моторных лодках в зависимости от времени года. Попробовать свою сноровку в метании аркана или при управлении обласа. Посещение стойбища даёт реальную картину натуральной, а незаигранной жизни аборигенов.

В Корликах есть музей – мастерская, который возник в са-

мом удаленном от городов и нефтяных месторождений селе. Его цель – сохранение и воспроизводство материальных элементов этнической культуры, традиций хозяйственной деятельности в условиях поселка и дальнейшей передачи их подрастающему поколению. Работники музея встречают экскурсионную группу в национальных одеждах. Во время экскурсии можно побывать в настоящем чуме, отведать свежий печеный хлеб, жаренную рыбу на палочке.

- Следующее направление –Мегион, где туристам предлагается посетить историко-культурный и экологический центр.Сотрудники центра предлагают посетителям разного возраста обзорные экскурсии по различным отделам , а так же лекции по многим темам. Вот некоторые из них: Обзорная экскурсия по отделу этнографии, обзорная экскурсия по таксидермической коллекции, по теме «Орнитофауна Западной Сибири» и др. Лекции на тему «Минералы и горные породы», «Знакомые незнакомцы» о комнатных растениях.
- Посещение заповедно-природного парка «Сибирские Увалы», где экскурсантам будет предложен :

1. Рекреационный туризм.

1.1.Организация проживания и экскурсий (растительность, животный мир) на базе "Брусовая" (двухместные номера). Рыбалка, сбор ягод, грибов.

2. Познавательный экотуризм.

2.1. Тематические туры по сезонам года: глухариные тока, по летней тайге (знакомство с растениями, животными, природными явлениями).

2.2. Цикл экскурсий по влиянию нефтедобычи на природу Среднего Приобья (с базой в г. Нижневартовске).

3. Спортивно-познавательный экотуризм.

3.1. Сплав на плотах (лодках) с базы «Глубокий Сабун» до «Брусовой».

3.2. Пеший маршрут между базами.

Лыжный маршрут между базами.

- Водный маршрут на катере по реке Вах к его верховьям, с посещением хантыйского национального поселка Ларьяк, где также можно увидеть культуру и быт народов ханты. Это направление интересно еще и тем, что этот район является удаленным от крупных городов района.
- Посещение этнографического музея - театра в селе Аган, где гостям предлагаются следующие экскурсии : « История аганских ханты», « Обряды медвежьих игрищ», «Песни, легенды, сказки народов Севера. Театральные постановки». В музее действуют постоянные экспозиции: « Древняя Югра – кости мамонта», «Поделки декоративно-прикладного искусства», «Самострелы» и другие.

Желающие смогут отведать ухи, попробовать ягодный пирог с чаем.

- Следующий однодневный прогулочный маршрут предлагается провести на катере по реке Обь в окрестностях города Нижневартовска, почувствовать себя «робинзонами», высадившись на безлюдные острова великой сибирской реки. Во время стоянок туристы могут половить рыбу, сварить уху на костре, полюбоваться красотой северного заката.
- Любителям этноса рекомендуется посетить стойбище известного хантыйского поэта Юрия Вэллы. Этот удивительный человек явился организатором национального парка-музея под открытым небом в селе Варьёган. В 2002 году парк-музей в Варьёгане отметил своё пятнадцатилетие. На стойбище Вэллы можно посетить национальную школу, где дети ханты обучаются традиционным ремеслам.
- Поскольку, на территории нашего округа ведутся разработки месторождений нефти, то ставится вопрос о возможном загрязнении природы округа продуктами нефтедобычи и нефтепереработки. Для гостей округа будет небезынтересно посетить крупнейшие предприятия, занимающиеся освоением сибирских недр. При посещении «Самотлорнефтегаза», входящего в Тюменскую нефтяную компанию, можно увидеть ка-

ких успехов достигли специалисты- нефтяники в разработке и применении на практике ресурсосберегающих технологий. Здесь полным ходом ведутся работы по рекультивации земель.

Данные направления экскурсионных маршрутов по территории Нижневартовского района находятся в стадии экологической сертификации.

Успешность данного проекта во многом будет зависеть от хорошо обеспеченной транспортной схемы.

На сегодняшний день, мы можем предложить туристам доставку в труднодоступные места самолётами Ан-2 или вертолётами Ми-8. В места, где имеются автодороги можно добраться на автобусах.

Но экономическая выгода во многом зависит от качества организации экотуризма, в связи с чем, первоначально необходимы финансовые вложения в развитие туризма, а именно:

- совершенствование и развитие малой авиации;
- пополнение автопарка современными комфортабельными автобусами;
- строительство новых гостиничных комплексов отвечающих мировым стандартам комфорта;
- подготовка специалистов по сервисному и туристическому обслуживанию.

Последняя обозначенная проблема уже решается через открытие двух специальностей в Нижневартовском государственном педагогическом институте,- география со специализацией «страноведение и международный туризм» на естественно-географическом факультете, «социально-культурный сервис и туризм» на факультете культурологии.

НАШИ АВТОРЫ

Авимская Марина Аскольдовна	Старший преподаватель, аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета
Алексеева Любовь Васильевна	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГПИ
Архипова Марина Дмитриевна	Учитель истории МОСШ г. Москва
Бабушкина Светлана Леонидовна	Аспирантка кафедры истории России
Гребенюк Галина Никитична	Декан естественно-географического факультета НГПИ, кандидат биологических наук, профессор
Деликатная Марина Анатольевна	Студентка 3 курса исторического факультета НГПИ
Задорожная Ольга Анатольевна	Доцент СУРГУ
Иванова Нина Александровна	Кандидат биологических наук, доцент, зав.кафедрой экологии НГПИ
Капина Лия Дмитриевна	Научный сотрудник МУ «Региональный историко-культурный и экологический центр» г. Мегион
Колобова Берта Алексеевна	Кандидат педагогических наук, старший преподаватель НГПИ
Конышева Ирина Ивановна	Учитель истории МОСШ № 43
Коркин Сергей Евгеньевич	Аспирант естественно-географического факультета НГПИ
Костюченко Роза Николаевна	Студентка 5 курса ЕГФ НГПИ
Кошкарева Альбина Михайловна	Доцент кафедры русского языка НГПИ
Левченко Вадим Леонидович	Учитель истории МОСШ № 43
Мазин Владимир Алексеевич	Старший преподаватель НГПИ, член союза писателей России
Митрофанов Виктор Владимирович	Преподаватель истории МОСШ № 31, аспирант НГПИ
Петренко Галина Ивановна	Журналист окружной телерадиокомпании «Югория»
Попова Ирина Александровна	Библиотекарь отдела краеведения МУ «БИС»

Пузанов Владимир Дмитриевич	Доцент кафедры истории России Сургутского государственного университета
Романюк Любовь Анатольевна	Эколог «Экоцентра» г. Мегион
Рянский Феликс Николаевич	Заведующий кафедрой географии и безопасности жизнедеятельности НГПИ, доктор географических наук, профессор
Скульмовский Денис Олегович	Студент 5 курса исторического факультета НГПИ
Смирнов Николай Павлович	Член Союза писателей России
Соколов Сергей Николаевич	Доцент кафедры географии и безопасности жизнедеятельности НГПИ, кандидат географических наук
Солодкин Яков Григорьевич	Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России НГПИ
Стадник Анатолий Николаевич	Преподаватель истории МОСШ № 31
Ташлыкова Марина Ивановна	Аспирант кафедры истории России Сургутского государственного университета
Третьяков Александр Васильевич	Старший преподаватель кафедры экологии НГПИ
Троценко Наталья Николаевна	Аспирантка кафедры истории России
Уколова Елена Александровна	Преподаватель НГСГК
Цысь Валерий Валентинович	Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России НГПИ
Юлусова Алена Анатольевна	Студентка 5 курса исторического факультета НГПИ

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I.
ИСТОРИЯ.

Стадник А.Н. Некоторые аспекты колонизации Сибири в трудах П.Н. Буцинского 4

Митрофанов В.В. Основные направления исследования прошлого Сибири в творчестве С.Ф. Платонова 8

Юлусова А.А. Хронология похода Ермака в Сибирь (к историографии темы) 12

Скульмовский Д.О. «Ермаковы казаки» в Сибири на рубеже XVI-XVII вв. 16

Попова И.А. Книжные собрания первых сибирских архиереев Киприана, Макария и Нектария 20

Архипова М.Д. Киприан Старорусенков и русская книжная культура первой трети XVII в. (Историографический обзор) 23

Солодкин Я.Г. Сибирское историческое повествование XVII века и погодинский летописец 28

Пузанов В.Д. Военный потенциал русского населения Сибири (XVII – XVIII вв.) 33

Деликатная М.А. К вопросу о развитии ярмарочной торговли в Тобольской губернии в конце XIX- начале XX вв. 37

Задорожняя О. А. Рыбопромышленная деятельность Торгового Дома «М. Плотников и Сыновья» на Тобольском Севере. 40

Цысь В.В. Обдорская миссия в годы Гражданской войны. 44

Алексеева Л.В. О проблеме землеустройства и землепользования на Тобольском Севере (вторая половина 1920-х - 1930-е гг.) 50

Конышева И.И. Л. Е. Киселев о рыбных угодьях Севера Западной Сибири в первые годы советской власти. 53

Левченко В.Л. О колхозном производстве в Ханты-Мансийском округе накануне и в годы Великой Отечественной войны 56

Петренко Г.Н. Хроники Ларьякского лесхоза 60

Колобова Б.А. Рыбное хозяйство Ханты-Мансийского автономного округа и Нижневартовского района в предвоенные годы и в годы войны 65

Кашина Л.Д. К истории летоисчисления «молодых» сибирских городов 71

Авимская М.А. Из истории строительства железной дороги Сургут – Уренгой 74

Троценко Н.Н. Историки 1960-1970-х годов о начале создания кооперативов на Обь-Иртышском Севере 79

Бабушкина С.Л. Участие студентов стройотрядов в обустройстве нефтяных месторождений Западной Сибири (1960 – 1970 гг.) 83

ЧАСТЬ II.
КУЛЬТУРА. ОБРАЗОВАНИЕ.

Ташлыкова М.И. Деятельность передвижных культурно-просветительных учреждений Тюменского Севера в 1960-е гг. 87

Мазин В.А. Осмысление стереотипов культуры обских угров через мифологему природосообразности 89

Кошкарёва А.М. Типы лексических диалектизмов в сибирских говорах 94

Уколова Е.А. Формы внедрения регионального компонента в экологическом образовании 99

Романюк Л.А. Исследование эколого-флористического состояния травянистых растений поймы реки Кыртыпьях 106

Иванова Н.А., Костюченко Р.Н. Эколого-физиологические особенности ивовых 109

ЧАСТЬ III.
РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА

Коркин С.Е. Научно-туристско-краеведческая экспедиция «Обь» 115

Гребенюк Г. Н., Рянский Ф.Н., Соколов С. Н. Перспективы развития туризма на территории Нижневартовского района 117

Наши авторы **126**

BIS NIZHNEVARTOVSK
1923341060